

МОЙ АЛЬПИНИЗМ

Наше путешествие в Страну Востока и лежавшее в его основе наше сообщество, наше Братство - это самое важное, единственно важное, что было в моей жизни, нечто, в сравнении с чем моя собственная личность просто ничего не значит.

Ибо ведь целью нашей была не просто Страна Востока, или, лучше сказать, наша Страна Востока была не просто страна, не географическое понятие, но она была отчизной и юностью души, она была везде и нигде, и все времена составляли в ней единство вневременного.

Герман Гессе

«Паломничество в Страну Востока»

1

Мутное от грязи окно во всю стену ярко освещалось весенним солнцем. Пыльные макеты и пустые чертежные доски навевали тоску. По углам серебрилась паутина, лоснящиеся обои свисали клочьями. На письменном столе, заваленном едой, возвышалась полная воды стеклянная банка. Кипятильник поднимал со дна редкие пузырьки воздуха. Работало радио.

«Тридцать лет, — говорила ведущая, — трудится на фабрике “Красный треугольник” Валентина Ивановна Калашникова. Исполнительный работник и отзывчивый товарищ, Валентина Ивановна заслуженно пользуется уважением сотрудников по цеху. По итогам за год бригада формовщиков, в которой работает Валентина Ивановна, вышла на первое место по объединению, в чем немалая заслуга и самой Валентины Ивановны, трудолюбие которой не раз отмечалось похвальными грамотами и ценными подарками. Сегодня Валентине Ивановне исполняется пятьдесят лет. Любящую жену, добрую маму и заботливую бабушку поздравляют муж, две дочери и четыре внучки Валентины Ивановны. Они просят передать для нее песню в исполнении ее любимой певицы Нани Брегвадзе. Мы с удовольствием присоединяемся к поздравлениям. Доброго здоровья, счастья и долгих лет жизни вам, уважаемая Валентина Ивановна!»

«Я еще не успела испытать свою осень, — раздался голос певицы, — а уже снегопад сторожит у ворот. Он надежды мои, как дороги, заносит и грозит застелить надо мной небосвод...»

Вода в банке шумно закипела, и в комнату вбежала толстуха лет двадцати восьми с целлофановой упаковкой в руках. Выдернув шнур из розетки, она вынула кипятильник и повесила на вбитый в чертежную доску гвоздь.

— Сэ-негопад, сэ-негопад, не мети мне на косы... — подражая грузинскому акценту, девушка всыпала в кипяток немного заварки, плюхнулась на стул и принялась внимательно разглядывать пакет, прощупывая через упаковку его содержимое.

— Маякова, апельсины! — на пороге комнаты появилась женщина в распахнутом зимнем пальто с двумя сумками в руках.

— Я же говорила! — девушка отложила пакет в сторону.

— Некоторые, правда, уже подгнивать начали... — поставив сумки на стул, женщина сняла пальто и бросила его на кульман, взметнув клуб пыли.

— Так у них всегда так! Держат до последнего момента, пока не сгниет.

— Забирай свои, — женщина пододвинула к столу одноногий вертящийся табурет и отломала кусок булки.

Хлопнув дверью, в комнату быстро вошел худой мужчина лет пятидесяти, одетый в домашний вязаный свитер и пузырящиеся на коленях пятирублевые джинсы.

— Чаю! Чаю! Скорее чаю! — мужчина прошел в угол комнаты, упал в глубокое кресло, раскрыл лежащий на захламленном столе дипломат, вынул какие-то листки, быстро просмотрел их, некоторые отложил в сторону, другие кинул обратно и захлопнул дипломат. — Убегаю в «Спецтоннель»!

— Какой «Спецтоннель», Сергей Сергеевич?! — опешила женщина. — Мы же с вами договаривались на сегодня! Вы же обещали!

Мужчина не реагировал, сосредоточенно роясь в ящиках своего стола.

Девушка обернулась в его сторону:

— Сергей Сергеевич, тебя «Сети» просили зайти.

— Тятя, тятя, наши «Сети» притащили мертвеца... — продолжая что-то искать, мужчина привычным движением похлопал себя по карманам.

— Бросаете, значит, Сергей Сергеевич? В такой момент? Ну ладно, Сергей Сергеевич. Идите в свой «Спецтоннель», куда хотите, хоть на Северный полюс! А нас тут пусть лишают премий, увольняют с работы, раз вам все равно! — обиделась женщина.

— Ну почему сразу же мой «Спецтоннель»? Это же, можно сказать, наш «Спецтоннель»!

— Я уже налила. Тебе булку намазать? — спросила девушка.

— Только вообще не надо мне, пожалуйста, ничего говорить про еду! — неожиданно занервничал мужчина.

— А что такое, Сергей Сергеевич? — заинтересовалась женщина.

— Что такое, что такое, вообще! Теперь они еще спрашивают, что такое!.. Вы же меня там бросили вчера в лаборатории! Оставили на растерзание этим волкам!

— Как это мы вас бросили, Сергей Сергеевич?! — возмутилась женщина. — По моему, так вас просто за уши оттуда было не вытащить!

— Вы что, не знаете, можно подумать, вообще, кто там работает? — мужчина поднялся с кресла. — Это же банда подлецов!

— Да ты вспомни, Сергей Сергеевич, — засмеялась девушка, — как вы тут под Новый год к концу дня просто падали со стульев!

— Что такое, вообще, что за диверсия? — мужчина обшарил куртку, висевшую на спинке кресла. — Где мои сигареты?

— У меня на столе, — сказала девушка.

— Ну вот, вообще, всегда так... — мужчина надел куртку, кепку, взял дипломат, подошел к столу и присел на краешек стула, на котором стояли сетки с апельсинами. Взяв чашку, он сделал, обжигаясь, несколько торопливых глотков. Потом продекламировал:

— Я хочу напиться чаю, к Маяковой подбегаю. А пузатый от меня...

— Сергей Сергеевич, ну ты нахал! — возмутилась девушка.

В этот момент дверь в комнату распахнулась.

— Девчонки! — раздался звонкий женский голос. — Давайте быстрее, касса уже открылась!

Женщины, как по команде, вскочили, схватили кошельки и убежали.

Оставшись один, мужчина отпил еще немного, встал, поправил кепку, выключил радио, поднял дипломат, взял со стола девушки пачку сигарет и торопливо вышел вслед за ними.

В комнате стало совсем тихо. Только негромко гудел вентилятор, поигрывая страницами недочитанной газеты.

Вдруг на верхнюю часть окна надвинулась бесформенная тень. Постоянно видоизменяясь, она немного проползла вниз и остановилась. Затем с наружной стороны к окну прилепилась мокрая щетка и стала его тереть, отчего по стеклу потекли мыльные разводы. Потом в верхней части окна, сдвигая грязную воду в сторону, проехал стеклоочиститель, приоткрыв кусок ярко-синего неба.

С каждым новым движением окно становилось все прозрачнее, и, когда очистилась большая часть стекла, с той стороны стал виден Андрей. Он сидел на маленькой доске, подвешенной с помощью строп и металлической рогатины к двум потрепанным веревкам. На нем были черные вельветовые брюки, заправленные в желтые резиновые сапоги, и красная куртка. Сбоку болталось полное мутной воды белое пластмассовое ведро.

Убрав последнюю полосу грязи, Андрей прислонился лицом к стеклу и, оградив ладонями глаза от солнца, с любопытством заглянул внутрь. Потом смотал закрученные на рогатину веревки и съехал вниз.

За окном сияло безоблачное небо. Плавно выгибались вдали купола соборов. Вспыхивали солнечными зайчиками жестяные крыши. Терялись в дымке расплывчатые очертания парков и скверов. Бесшумно двигались по улицам потоки маленьких машин. Бесшумно плыли по каналам крошечные моторные лодки.

По коньку старинной крыши осторожно кралась за голубями худая рыжая кошка. На мгновение она замерла, подняв мордочку на солнце, и ее зрачки сузились до тонких черных щелочек.

На крыше Пушкинского театра актер в черном фраке и белой рубашке что-то громко декламировал, глядя в листок с текстом и широко размахивая в такт правой рукой.

С крыши Дворца пионеров за актером угрюмо наблюдала бригада кровельщиков. Подставив солнцу болезненно-белые рахитичные тела в наколках, кровельщики пообедали, развалившись на рулонах рубероида.

Перегнувшись через каменные перила балкона, прапорщик внутренних войск с автоматом за плечами считал вслух мчавшиеся по улице черные правительственные лимузины. Пущенный из соседнего окна бумажный самолетик, описывая круги, плавно опускался вниз.

Растрепанная старуха в обвисших тренировочных штанах и домашних тапочках быстро шла по дорожке парка, непрерывно бормоча что-то себе под нос. За деревьями мелькало здание школы. Несколько подростков сидели на берегу замусоренного водоема и мутили прутьями воду, пытаясь подтащить к берегу раскисший бумажный самолетик, лежавший на поверхности.

Старуха неожиданно остановилась рядом.

— Кто из вас старший? — строго спросила она.

Школьники одновременно вскочили, но самый бойкий, оттеснив остальных, первым подбежал к ней:

— Я! Я самый старший!

Старуха показала узловатым пальцем на воду:

— Сейчас приедет милиция и водолазы. Будут искать моего сына, утонувшего в пруду. Если хотите, можете помочь.

На крыльце школы стояла молоденькая учительница. Прижав к груди журнал успеваемости, прикрыв глаза и подставив лицо солнечным лучам, она вдыхала ароматный весенний воздух и улыбалась чему-то своему. Девочка с ранцем за плечами осторожно тронула ее за рукав:

— До свидания!

— Всего хорошего, Анечка... — не открывая глаз, учительница закинула свесившуюся на лоб прядь за ухо и подставила солнцу другую сторону лица.

Девочка сбежала по ступенькам к ожидавшей внизу бабушке. Порывшись в ее сумке, нашла яблоко и сразу же начала его грызть.

Гуляя, девочка и бабушка прошли через парк, миновали пруд и вышли на асфальтовую дорожку, тянущуюся вдоль огороженного металлической сеткой детского сада.

Детсадовские дети уныло копались в песочнице, лазали по металлической раquete. Некоторые дружно раскачивали уходящую вверх толстую ржавую проволоку, вделанную в большой бетонный куб, врытый в землю возле самого забора.

— Дядя! Дяденька! — кричали они.

Привлеченная странным зрелищем, бабушка остановилась.

В этот момент в шаге от нее на асфальт шлепнулось ведро с битумным лаком, обдав ее и внучку с головы до ног черной вязкой жидкостью. Потеряв дар речи и проследив взглядом по проволоке, они увидели высокую металлическую трубу котельной, на самом конце которой стоял Сергей.

Чумазый, в пропитанных битумом штанах, ватнике и подшлемнике, держась рукой за широкий раструб, из которого валил густой черный дым, Сергей завороченно смотрел на них сверху. Потом, словно очнувшись, медленно отцепил от верхней скобы обмотанную вокруг пояса веревку и начал спускаться вниз.

Уютно расположившись на теплом, освещенном солнцем подоконнике институтского коридора, две студентки читали конспекты и попеременно кусали сладкую булку. Напротив висел стенд. Крупная надпись сверху гласила: «Альпинизм».

— А вон тот ничего, милашка, — одна из девушек облизнула пальцы и, оттопырив мизинец, указала в сторону стенда.

— Который? — рассеянно глянула подруга.

— Да вон тот, внизу, где написано «Выборг»!

— Да где?!

Первая девушка сползла с подоконника и, встав на цыпочки, ткнула пальцем в освещивающую солнцем фотографию шерпы Тенцинга, запечатленного в базовом лагере на леднике Кхумбу после своей знаменитой победы над Эверестом.

— Ну, и вкусы у тебя! — брезгливо поморщилась подруга. — Приходи на Бойцова, у нас там пол-общаги таких. Меня от них уже воротит.

В небольшой аудитории, увешанной графиками геологических процессов, шла лекция. Профессор — плотный мужчина в клетчатом пиджаке — рисовал на доске какую-то картину.

— Европейская часть нашей страны расположена на огромной вогнутой скальной плите, — диктовал он и одновременно чертил вогнутую линию, — которая выходит на поверхность только в крайних северных и южных своих оконечностях.

Профессор вывел в правом и левом концах линии зазубрины, символизирующие вылезшую на поверхность плиту.

— Вся же средняя ее часть, — он провел горизонтальную линию, соединяющую концы вогнутой линии, — заполнена верхними четвертичными отложениями.

Профессор затушеввал получившуюся дольку, обозначив отложения.

— Поэтому почва на всей поверхности европейской части плодородна, — в доказательство этого он нарисовал торчащее из дольки дерево. — Вот здесь где-то Москва... — для большей наглядности профессор изобразил рядом с деревом слабое подобие Кремля.

— На северной оконечности первые выходы скал наблюдаются в районе города Выборга. Выборг, с точки зрения геологии, в первую очередь интересен вот чем... — профессор взглянул на часы. — Но об этом в следующий раз.

Сергей спустился с небольшого, заросшего соснами пригорка и вышел на железнодорожную колею, ограниченную по бокам невысокими скалами. Чуть поодаль за ним шел Юлик — симпатичный цыганистый парень в ватнике. Следом семенила Татьяна — высокая коротко стриженная девушка.

Обращенная к солнцу сторона скал была уже сухая и чистая. Другая, спрятавшаяся в тени, сырая и темная, сверкала заполнившим трещины льдом и пятнами не растаявшего грязного снега.

Сергей двинулся по солнечной стороне. Юлик и Татьяна, дурачась, пытались идти прямо по рельсу, но то и дело теряли равновесие, скользя на залитых мазутом шпалах. Около чахлого, покрытого копотью куста Сергей остановился. Татьяна забралась на большой нагретый солнцем камень. Юлик снял рюкзак и бросил его на землю.

— Обратно пойдем пешком, — Сергей указал в ту сторону, где железнодорожная колея сворачивала вбок и терялась из виду. — Мы с Андрюхой уже ходили в прошлое воскресенье, когда опоздали на автобус.

— А в блинную мы успеем? — поинтересовалась Татьяна.

— Тебе вредно блины, — Сергей расстегнул молнию новенькой пуховой куртки, достал из внутреннего кармана пачку «Беломора», вынул папиросу. — Ты же растолстеешь...

— Ой-ой-ой, кто бы говорил! Гроза комплексных обедов! Да я такой толстой, как ты, вообще никогда не буду! — Татьяна достала из кармана расческу и зеркальце.

— Посмотрим, еще не вечер, — Сергей смял пальцами папиросу под губы. — Юлиан, дай, пожалуйста, спички.

— Я же завязал.

— Не вовремя вы как-то всегда завязываете, — Сергей пошарил в рюкзаке, нашел спички и закурил. Потом снял пуховку, под которой оказалась грубо заштопанная выцветшая олимпийка, накинул пуховку Татьяне на плечи и сделал несколько широких разминочных взмахов руками.

— Ой, какая легкая! — Татьяна плотнее закуталась в пуховку. — И теплая... Так, говоришь, сам ее шил? Что-то не верится.

Сергей сделал неопределенный жест рукой: мол, не хочешь — не верь.

— Как вам удалось достичь таких высоких результатов? — быстро тараторя, Татьяна начала забрасывать его вопросами, имитируя тон газетного репортера. — Сколько лет вы потратили на сбор материала? Вы работали один? Вы проводили опыты на собаках? На людях?

Сергей и Юлик засмеялись, а она, уже вкрадчивым и ласковым голосом, продолжала:

— Прямо как на меня счита... Тебе, Серега, нельзя носить красивые вещи, они тебе не идут. Правда, Юлик?

— Что правда, то правда, — Юлик открыл термос, налил в металлическую крышку дымящийся кофе и протянул ей.

Резким, отрывистым тоном следователя Татьяна продолжала:

— Откуда у вас эти красивые вещи?! Где вы их взяли?! Они же вам не идут!.. А-а-а, какой горячий! — она стала быстро переключивать крышку из руки в руку, потом кинула на колени шапочку, поставила на нее кофе и, подвывая, замахала обожженными руками.

— Какие мы нежные! — злорадно прокомментировал Сергей.

— Танюха, держи, — Юлик кинул ей толстый вязаный носок, она надела его на руку, снова взяла крышку, подула на кофе и стала отпивать мелкими глотками.

— Ну, у тебя и ногти! — Сергей с удивлением следил за ее руками.

— Ой, слушайте, я же совсем забыла! — Татьяна посмотрела на свои длинные ухоженные ногти. — И ножниц нет... Что же теперь делать?

— Что делать, что делать... Обгрызай! — радостно посоветовал Сергей.

— Ну да! Как так обгрызать? Я же не могу... Я не умею... — Татьяна огорченно разглядывала ногти, как бы примериваясь, каким еще образом можно их укоротить. Вдруг ее осенила какая-то идея, и она с надеждой обернулась к Юлику:

— Юля, пожалуйста, будь другом...

Юлик поднял голову и молча посмотрел на нее долгим уничтожающим взглядом.

— Ну, не буду вам мешать, — Сергей затаился папиросой и пошел вдоль скал, внимательно их осматривая и что-то насвистывая себе под нос.

Пока Юлик обкусывал Татьяне ногти, она продолжала пить кофе.

— Юлик, ты такой хороший, такой добрый, — говорила она ласково. — Я этого никогда не забуду. Хочешь, я тебе такую же пуховку сошью?

Юлик на секунду прервался, долго и тщательно сплевывал:

— У тебя все равно так не получится.

— Почему это? — обиделась Татьяна.

— Потому что он для этой куртки три месяца вручную пух от перьев отделял. Из родительской подушки. Поэтому она и не весит ничего. Они с Вовиком на пару этим занимались. Чем так мучиться, лучше уж в ватнике всю жизнь мерзнуть.

— Ну и что? Подумаешь!.. Зато я тебе сделаю с теплыми карманами, с капюшоном-трубой... хочешь? К лету? У тебя как раз день рождения будет... Точно! Я тебе ее подарю на день рождения.

— Подари мне лучше ножницы.

Попыхивая «Беломором», вернулся Сергей:

— Пошли чуть подальше, разомнемся с полчаса.

Татьяна поставила недопитый кофе на камень и прыгнула вниз. Затем сняла пуховку и бережно положила на рюкзак Юлика. Пуховка сползла на землю. Татьяна подняла ее, тщательно отряхнула и повесила на куст, стараясь, чтобы она как можно меньше касалась черных от сажи прутьев.

— А что будет на завтрак? — поинтересовалась она.

— Будешь задавать много вопросов... — начал Сергей, но резкий гудок заглушил его слова — из-за поворота со страшным грохотом вылетел пассажирский поезд «Илья Репин».

Сергей и Юлик кинулись в разные стороны. Татьяна вскрикнула и, опрокидывая кофе, вскочила на камень, на котором до этого сидела.

Один за другим проносились мимо вагоны, обдавая гарью и пугая опасной близостью. Сорванная порывом ветра пуховка упала с куста. Сергей попытался ее поймать, но в этот момент она, подхваченная мощным восходящим завихрением, взлетела и зацепилась за какую-то деталь последнего вагона. Издав длинный гудок, поезд выскочил из скального ущелья на простор и понесся в сторону границы с Финляндией.

Выругавшись, Сергей бросился вдогонку и некоторое время бежал следом, поскользываясь на шпалах, в надежде, что пуховка вот-вот сорвется и упадет вниз. Потом, выдохшись, перешел на шаг и наконец остановился совсем.

— Вот, собственно, и все, что можно сказать в этом плане о примечательности Выбора, — профессор геологии сидел, закинув ногу на ногу, на стуле, в накинутах поверх клетчатого пиджака пальто, о подкладку которого протирал очки.

В полуподвальную аудиторию едва пробивался дневной свет через закрашенные окна под потолком. На стенах висели противогазы, респираторы и комплекты индивидуальной защиты граждан, а также плакаты, описывающие порядок действий во время ядерного взрыва. Несколько ламп в абажурах защитного цвета освещали студенческую группу, состоявшую из одних девушек, кутавшихся в пальто и шубы. На зеленом цвета доске была изображена точная копия предыдущей картины профессора, только теперь на месте Кремля возвышалась Останкинская телебашня.

На улице завывала сирена.

Профессор встал, надел очки и посмотрел в небольшую дырочку, протертую в нижнем углу окна: по улице, обгоняя автобусы и рискованно лавируя между трамваями, несся, вращая синей лампой, милицейский «УАЗ». Пристроившись за ним, как за надежным прикрытием, мчался ярко-красный «Запорожец».

— Перерыв, — объявил профессор.

Через лобовое стекло «Запорожца» была видна милицейская машина, как ледокол рассекавшая поток транспорта на две части. Переднее сиденье возле водителя отсутствовало. Вместо него стояла заляпанная мастикой бочка, валялись грязные полиэтиленовые мешки.

Вдали показался перекресток. Включив сирену и замигав, «УАЗ» свернул вправо, «Запорожец», запрыгав на рельсах, — влево. Обогнув кирпичную «точку» и распугав голубей, он влетел во двор новостроек и резко затормозил возле крайней парадной девятиэтажного блочного дома.

Хлопнув дверью, из «Запорожца» вышел Юлик, остановился на тротуаре и внимательно оглядел тихий двор и фасад дома.

Милицейский «УАЗ», вращая сигнальной лампой, подкатил к зданию котельной и, лихо развернувшись, остановился у входа. Два милиционера легко взбежали по ступенькам и скрылись внутри здания.

Стоявший у основания трубы Сергей бросил недокуренную папиросу и медленно двинулся вдоль забора. С другой стороны сетки за ним семенили детсадовские дети и с интересом его разглядывали. Один мальчик все время спрашивал:

— Дяденька, вы зачем бабушку облили? Дяденька, вы зачем бабушку облили?

Сергей зло отмахнулся от него, ногой оттащил на обочину расплющенное ведро, обреченно взошел на крыльцо котельной и исчез за дверью.

В пустынном институтском коридоре возле стенда «Альпинизм», воровато оглядываясь по сторонам, стоял студент. Другой студент, сидя у него на плечах, подрисовывал шариковой ручкой всем мужчинам, изображенным на фотографии под надписью «Кузнечное», огромные длинные члены.

— Кузнечное, — доносился из-за ближайшей двери голос профессора геологии, — является основным поставщиком бута, щебня и клинкерных материалов для нашего северного региона. Карьеры, заводы по переработке гранита, а также сложная сеть железнодорожных подъездных путей организуют в районе Кузнечного уникальную производственно-экономическую систему, способную своими мощностями обеспечить...

Несколько темных силуэтов, прикинув к окну неосвещенного вагона, всматривались в проплывавшие снаружи хвойные леса, залитые лунным светом, и редкие автомобильные дороги, пересекавшие железнодорожный путь и терявшиеся в глубине ночи.

Внезапно показались освещенные яркими прожекторами огромные мрачные бетонные цеха, соединенные между собой лабиринтами галерей и эскалаторов, упирившихся в землю наподобие гигантских лап. На рельсах безмолвствовали покрытые белой пылью пустые вагонетки. Такая же пыль блестела на больших стальных резервуарах и многочисленных трубах, оплетавших представителя отечественной камнедробильной индустрии.

За окном проплыли фонари и деревянное одноэтажное здание с надписью «Кузнечное». Мелькнуло несколько человек в шинелях.

Поезд затормозил и остановился. Ночная станция была пуста, если не считать десятка солдат, прогуливавшихся по платформе. На соседних путях покоились груженные щебнем вагоны и пропитанные мазутом цистерны.

Пассажиры появились внезапно, разом из всех дверей. В одно мгновение платформа наполнилась несколькими тысячами навьюченных рюкзаками людей, двинувшихся к

началу поезда. Солдаты позволяли им беспрепятственно проходить мимо, однако несколько человек выудили из потока и подвели к скучавшему в стороне майору погранвойск. Тот о чем-то спросил задержанных. Они начали что-то темпераментно ему доказывать, вынули паспорта и стали указывать на какую-то отметку в них. Майор взял паспорта и спрятал в карман шинели. Задержанные сникли.

Платформа опустела. Остались только военные и несколько человек задержанных. Все вместе они зашли в передний вагон. Коротко свистнув, поезд тронулся с места.

Распахнув ударом ноги чердачную дверь, Юлик с ведрами герметика в руках выбрался на крышу. Две загоравшие женщины, взвизгнув, убежали за лифтовую тумбу, на ходу подбирая разбросанную одежду. Юлик, хмыкнув, поставил ведра, сел на небольшой уступчик и закурил, глядя на освещенный солнцем лесопарк, начинавшийся сразу же за домом, через дорогу.

Выкурив сигарету до половины, он отложил ее в сторону и вытащил спрятанные под ржавым металлическим листом веревки, концы которых были привязаны к бетонной трубе и телевизионной антенне. Растянув их в сторону края крыши, Юлик лег на живот и высунулся наружу. Потом переполз немного в сторону и сбросил свободные концы веревок вниз.

Из проема трубы Юлик достал металлическую сварную загогулину, привязанную к мягкому сиденью от стула, намотал на нее веревки и перекинул на стену дома. После этого поднял еще дымившийся окурок, несколько раз жадно затянулся и затоптал его ногой.

Юлик плавно скользил вдоль шва, разделявшего панели дома.

Окна верхнего этажа были плотно прикрыты шторами.

Этажом ниже женщина лет сорока пяти раскатывала на столе тесто.

Еще ниже старушка ела макароны и смотрела телепередачу на экране маленького черно-белого телевизора. Тень Юлика легла на тарелку. Выронив вилку, старушка испуганно перекрестилась, после чего бросилась к окну и захлопнула створку, тщательно закрыв на все задвижки.

Нечто, происходившее в комнате следующего этажа заставило Юлика сбавить скорость. Сквозь легкий тюль занавесок он увидел сидевшую на кровати обнаженную девушку, расчесывающую длинные светлые волосы. Уже опустившись ниже уровня окна, он вдруг решительно остановился и, с трудом дотягиваясь до подоконника, призывно забарабанил по нему пальцами.

Девушка задумчиво обернулась к окну, где в углу комнаты в глубоком кресле сидел невидимый Юлику мужчина огромного роста, лениво жевавший жвачку и смотревший приглушенно работающий японский телевизор.

— Что ты говоришь? — спросила девушка.

— Я ничего не говорю, — ответил мужчина, не оборачиваясь.

— Показалось...

Снаружи следующего окна висели две сетки: одна с яблоками, другая с какими-то бумажными свертками. Внимательно глядя в окно, Юлик залез в сетку с яблоками, выбрал самое большое и сунул в карман штанов.

Неожиданно снизу раздался спокойный хрипловатый женский голос:

— Нехорошо воровать, молодой человек!

Юлик вздрогнул и обернулся.

Облокотившись большой грудью о подоконник, на него смотрела бальзаковского возраста крашеная блондинка, одетая в полупрозрачную ночную рубашку, сверху которой был наброшен пестрый махровый халат. Полными холеными пальцами она теребила свисающую веревку и, улыбаясь золотыми коронками, глядела на Юлика подведенными черной тушью глазами.

— Ну что вы! Это так, случайно... — преодолев короткое замешательство, Юлик сделал неопределенный жест рукой и съехал на один уровень с женщиной.

— Случайно? Это, значит, как — уже привычка брать чужое? — блондинка заговорщицки подмигнула Юлику, подтащила веревку к себе, и он, как груз маятника, сдвинулся в ее сторону. — А я уже несколько дней за вами наблюдаю. Какая интересная у вас работа!

— Разве? Ну, это как сказать. Работа сидячая, но на воздухе...

Женщина подтянула веревку еще ближе, так, что Юлик оказался прямо напротив ее окна:

— Вы, наверное, голодны? — она кивнула на сетку с яблоками. — Я могла бы вас накормить. Вы такой молодой, красивый, вам надо хорошо питаться...

— Ну, в общем... надо обдумать это предложение... — Юлик погрузился в ее магнетический взгляд.

— А что же тут думать? — засмеялась женщина и притянула его совсем близко. — Можете не бояться. Сейчас я одна.

Отпустив веревку и взяв Юлика за локти, она прижала его к самому подоконнику. В этот момент в ее прихожей раздался резкий звонок в дверь. Продолжая удерживать Юлика, женщина испуганно прислушалась. Звонок уверенно и настойчиво повторился, после чего в замке зашебуршал ключ и хлопнула входная дверь.

— О, черт! — простонала женщина и, резко отпустив Юлика, отшатнулась в глубь комнаты, рывком запахивая халат.

Описав широкую дугу и сбив веревками сетки, Юлик больно врезался в перила соседнего балкона. Сетки, стукнувшись о стекло, которое со звоном лопнуло, полетели вниз. Одновременно на Юлика обрушился град из яблок. Несколько штук упало в ведро с мастикой.

Разбитое окно тотчас же распахнулось, и из него высунулась растрепанная женская голова:

— Нет, ты посмотри, что делается-то! Это ж надо, что творят, сволочи! Степан, скорей!

Юлик схватил кисть, окунул ее в мастику и начал деловито промазывать шов, хотя в этом месте он был уже заделан.

В окне появился похмельный бородатый мужчина с секатором в окровавленных руках.

— Что же ты, сука, творишь-то?! — мужчина безуспешно пытался дотянуться до веревок. — Я тебе, блядина, сейчас все шнуры твои пообрезаю! — прорывав что-то угрожающее, он скрылся в окне, откуда продолжали доноситься женские причитания.

Юлик быстро заскользил вниз, спешно минуя оставшиеся этажи.

В забрызганном кровью фартуке бородатый мужчина выскочил на крышу. Не замечая застывших от ужаса женщин, вновь занявших облюбованное место, он бросился к веревкам и стал яростно кусать их секатором. Это не давало никакого эффекта. Тогда он попытался рубить их со всего размаху и случайно ударил себя по руке. Мгновенно остановившись и бросив секатор, он побледнел и, неотрывно глядя на заполняющуюся кровью рану, быстро пошел обратно.

Просторную аудиторию-амфитеатр украшали расставленные вдоль стен макеты городов будущего. Через большие окна пыльными лучами внутрь проникало яркое дневное солнце, пригревая немногочисленных слушателей.

Девушки вязали, рассматривали журналы мод, красили ногти. Два парня грызли семечки и листали огромный альбом по архитектуре. Еще двое играли в нарды. Бородатый студент срисовывал с чьих-то работ эскизы обнаженной натуры, время от времени скла-

дывая листы вместе и проверяя на свет схожесть силуэтов. На самом верху кто-то спал, лежа на сдвинутых стульях.

На предпоследнем ряду сидел Володя. Перед ним лежали два полиэтиленовых мешочка. В одном из них была смесь пуха и пера. Володя методично отделял пух от перьев и аккуратно складывал в другой мешочек.

На преподавательском стуле висел клетчатый пиджак профессора геологии.

— Соленые морские ветры, а также повышенная солнечная радиация способствуют эрозии и дальнейшему разрушению скальных пород в гораздо большей степени чем, скажем, наступление моря на сушу, — говорил профессор, одновременно рисуя на доске плывущий по морю парусный корабль.

В этот момент спавший студент проснулся, недоуменно протер глаза, перегнулся через стол и что-то негромко спросил у сидящих спереди. Те прыснули со смеху, в том числе и Володя. Из-за этого ему в нос попала пушинка, и он сильно чихнул несколько раз подряд, падая лицом в свои мешочки, отчего пух разлетелся огромным облаком по аудитории. Окружающие тоже непроизвольно начали чихать вслед за ним. Побросав свои дела, студенты начали громко и беззастенчиво смеяться, откровенно радуясь идиотской ситуации.

Прервавшись на полуслове, профессор обернулся и удивленно замолк. С минуту понаблюдав за происходящим, снова повернулся к доске и, как ни в чем не бывало, продолжил:

— Если вам доводилось бывать в Крыму, вы могли наблюдать, к примеру, следующую картину...

Белоснежный лайнер, сверкая огнями, входил в вечерний ялтинский порт. Шумная хмельная компания наблюдала за ним с нижней станции канатной дороги.

— Прошу минуточку внимания, господа! — обратился к ним сопровождающий. — По нашей метеосводке сюда идет необычайно мощный циклон. В мои обязанности входит предупредить вас об этом. Если он застигнет нас во время нашего путешествия, то там, наверху, — он указал рукой куда-то в небо, в темноту, — станет очень холодно, быть может, даже выпадет снег... Я бы посоветовал вам взять теплые вещи.

— О-о-о! Снег! Какая прелесть! — слова сопровождающего привели женщин в радостное возбуждение. — Это будет очень романтично...

— Шеф, а внутреннее разве нас не спасет? — продемонстрировал бутылку коньяка один из отдыхающих.

— Не знаю, господа, решайте сами, — сопровождающий пожал плечами.

Смеясь и толкаясь, компания полезла в салон вагончика. Сопровождающий задвинул дверь. Раздался короткий звонок. Дернувшись, вагончик оторвался от земли и поплыл вверх, вдоль аккуратно подстриженных кипарисовых деревьев.

Огромное каменное перо, обмотанное пестрой изношенной веревкой, торчало черным силуэтом на фоне густо-синего вечернего неба. Застрявший между пером и скалой камень заткнул, как пробка, глубокую расщелину. На веревке висели растерзанные кроссовки, пара лысых галош, несколько карабинов и каска. На пробке, укрывшись одной пуховой курткой, лежали Андрей и Валера. Андрей курил, облокотившись о каменный выступ. Валера, чуть свесившись, смотрел вниз.

Дул ровный сильный ветер. Далекий серебристый горизонт моря еще освещался солнцем, а земля внизу уже затянулась мглой, сквозь которую мутно проступали бледные огни Ялты и ее городов-спутников, соединенные между собой пунктиром дороги, идущей вдоль самого берега.

— Ну и холодина сегодня, — нарушил молчание Андрей.

— Это муссон, — уточнил Валера. — Теплый ветер тибетского нагорья...

— С чего бы это?

— Ясно с чего, — Валера взял у Андрея сигарету, — к нам едет Сережа Борисович — жди холодов, ураганов, травм, землетрясений... Ночью снег пойдет, помяни мое слово!

— Лишь бы войны не было, — засмеялся Андрей.

Невдалеке под ними мелькнула какая-то птица. Они молча проследили за ней, пока она не скрылась из виду.

— Они уже спят, наверное, — сказал Андрей. — Поезд их укачивает, им снится теплая морская волна, пальмы, жаркий белый песок. И они улыбаются во сне...

— Ну да, как же, спят, — Валера стряхнул пепел. — Они пулю пишут! Сидят в купе и режутся с утра до ночи...

Ночное пустынное шоссе было укрыто глубоким слоем нетронутого снега. Ветви обступавших дорогу деревьев прогибались под тяжестью белых хлопьев. Утопали в сугробах крутые каменистые склоны. Мерцали покрытые инеем провода и дорожные знаки.

Крошечная белка пробралась по еловой ветке и осторожно заглянула в круглый зеркальный знак «Обгон запрещен». В тот же момент в нем отразились две яркие фары.

Из-за поворота вынырнул заснеженный троллейбус, разрисованный рекламными пляжными картинками, деловито прокладывая себе дорогу по гладкой белой целине. Временами он застревал и надрывно взывал, неимоверными усилиями пытаясь выбраться из очередной снежной западни.

В салоне троллейбуса, вольно раскинувшись на двух десятках сидений, спали молодые люди, укрывшись куртками и спальными мешками. От очередного толчка и завывания девушка с косичками, дремавшая на заднем сидении, проснулась. Привстав на коленках, она выглянула в окно. За стеклом проплывали укрытые шапками снега ели и гигантские сугробы — настоящая рождественская ночь. Решив, что это ей снится, девушка улыбнулась, плотнее закуталась в домашнее байковое одеяло, устроилась поуютнее и снова погрузилась в сон.

За тонкими южными тополями синело море. На пустынной остановке с надписью «Никитский ботанический сад» лежала груда вещей. Из-за кустов доносились усталые мужские голоса:

— Кто сдает?

— Вовик.

— Дай сюда... Та-ак. Сними...

— Раз.

— Пас.

— Два.

— Три.

— Четыре...

— Пас.

— Семь вторых.

Мимо глухих высоких оград шли Антон — невысокого роста крепкий молодой человек с античным профилем — и Светлана — девушка с косичками. Всматриваясь в нарисованный на листке бумаги план, они то и дело останавливались и озирались по сторонам. Наконец, толкнули какую-то малозаметную калитку и вошли во двор. Поднялись по каменной лестнице мимо изящного двухэтажного домика, утопавшего в розовых абрикосовых деревьях, прошли крохотный сад и оказались возле кособокого одноэтажного строения с маленькой верандой и низкой дверью.

Светлана легонько постучала в стекло веранды. Антон громко и бесцеремонно двинул несколько раз ногой в дверь.

Никто не отзывался.

Под цветущей яблоней стоял круглый деревянный стол, накрытый клеенкой, в углублениях которой блестели лужицы росы. На столе лежали чистые перевернутые вверх дном тарелки.

Присев на влажные стулья, они посмотрели на море. Солнце, проходя через ветви яблони, отбрасывало на белой штукатурке стены расплывчатый, слегка колеблющийся узор.

— Так и сидела бы всю жизнь... — Светлана машинально чертила пальцем на клеенке какие-то фигуры. Потом вдруг закричала во все горло:

— Один раз в год сады цветут!

— Дура, что ли? — засмеялся Антон. — Сейчас хозяев разбудишь...

— Плевать! Хозяева на работе! — она патетически протянула к нему руки. — Весной любви один раз ждут!

Продолжая смеяться, Антон немного отстранился от нее.

— О, смотри — записка, — он вынул прижатый тарелкой влажный листок бумаги с привязанной к нему конфетой.

— Конфета, чур, моя! — Светлана мгновенно развернула фантик и отправила конфету в рот.

— Дорогие друзья! — зачитал Антон с выражением. — Мы рады приветствовать вас на Южном Берегу Крыма! Ключи висят на гвозде справа от двери. Еда кончилась вчера утром. Портвейн белый крымский, а также и красный крымский продается там же, где и всегда — на набережной, в «Малом зале». Мы будем, наверное, сегодня, во второй половине дня. Бухайте на здоровье! Как всегда ваши — Валера и Андрей.

Валера и Андрей шли через пустой виноградник. Далеко внизу блестело море.

Перейдя дорогу, поднялись к расщелине в скалах. Прячась, выглянули из-за большого камня. Увидели паутину веревок и десяток человек, расплзавшихся, как тараканы, по вертикальным стенам. Остальные о чем-то весело болтали, греясь на теплых камнях.

— Ага, попались! Лазаете?! — заорал Валера, выскакивая из укрытия. Сидевшие внизу испуганно обернулись. Несколько человек сорвались со скалы. — А ведь здесь нельзя — заповедник! Сейчас всех в милицию сдадим! Охрана!! Быстрее сюда!!!

И засвистел в милицейский свисток.

2

Андрей спал, уткнувшись лицом в больничную подушку. За окном надрывался милицейский свисток. Потом раздался мужской голос:

— Андре-ей! Андрюха-а!

— Андрюша! — вторил ему женский.

— Куликов, отзовитесь! Мы знаем, что вы здесь! — потребовал еще один мужской голос.

Андрей резко сел на кровати. Со сна не сразу попал в тапочки. Подошел к окну и распахнул его. На дворе была весна, светило солнце, пели птицы. На сухом асфальтовом островке посреди моря воды стояли Антон, Светлана и Валера и, как потерпевшие кораблекрушение моряки, размахивали полиэтиленовым пакетом.

— Сдавайтесь, Куликов! Соппротивление бесполезно — вы окружены! — кричал Валера.

— Привет, больной! — сказала Светлана.

— Ого, как вас много! Я тут сплю, не слышал ничего, — Андрей присел на подоконник.

— Скажите, доктор, я умру? — Антон толкнул Валеру под локоть.

— А как же! — обрадовался Валера.

— Дураки... — засмушалась Светлана.

— Чем занимаешься? — поинтересовался Антон.

— Ничем. Валяюсь целыми днями, — ответил Андрей.

— Так это уже точно, что не желтуха? — спросил Валера. — А то тут человек пять обнаружили у себя подозрительные симптомы...

— Скажи, пусть не беспокоятся, — успокоил его Андрей. — Диагноз не подтвердился.

— Мы тут тебе фруктов принесли, — Светлана продемонстрировала пакет, — а дежурная не принимает. Говорит, нельзя вам.

— Да ну их! Нам уже давно все можно, — порывшись в карманах, Андрей извлек моток бельевой веревки и спустил один конец вниз. Ему подвязали пакет.

— Сумку только верни, — попросила Светлана.

В пакете оказались апельсины и конверт.

— Гран рахмат, — Андрей скинул сумку вниз, и она спланировала в кусты. Антон на цыпочках, по грязи, полез за ней.

— А это что такое? — Андрей показал конверт.

— Велено тебе передать, — объяснила Светлана, — для поднятия самурайского духа.

— Ты когда придешь-то? — спросил Валера.

— Я приду, когда раскинет ветви, — сказал Андрей.

— Когда откинет ветви, — засмеялся Валера.

— Нинка была сегодня? — спросила Светлана.

— Приходила утром, — ответил Андрей. — Обещала еще зайти — после третьей пары, если успеет.

— Ладно, Андрюха, мы пойдем, — сказал Антон, — у нас билеты в кинематограф.

— Что за фильм? — спросил Андрей.

— А мы и сами не знаем. Костя дал три билета, говорит, все равно пропадают...

— Везет!

— Не скучай! — помахала рукой Светлана. — Выздоровливай!

— Ты постарайся хоть к лету-то выйти! — сказал Валера.

— Я попробую, — засмеялся Андрей.

Антон, Светлана и Валера пошли к воротам больницы. Санитары катили навстречу укрытое простыней тело. Светлана испуганно обернулась...

Андрей вскрыл конверт. Внутри обнаружил открытку. На развороте аккуратным женским почерком было написано: «О, мой златокудрый повелитель! В благоуханном Самарканде в знойное время третьего месяца лета, как цветок граната, распустилась любовь моя к тебе! О, Инжир Моего Сердца! Презирая опасность, я на крыльях дивной страсти прокралась в страну туманного севера, чтобы хоть на миг увидеть тебя, Урюк Дерева Моей Души! Двадцать восьмого мая, в семнадцать-ноль-ноль, у достопочтимой Ковалевой-байши явись, Божественный Юноша! Да продлит Аллах часы твоего обеда!»

Андрей шел по Московскому проспекту. Возле телефонной будки остановился, набрал номер — на том конце никто не взял трубку. Не спеша, разглядывая витрины, двинулся дальше. То исчезал в толпе, то появлялся снова. Свернул на пустынную Красноармейскую, постоял в одиночестве у входа в архитектурный корпус.

На лестнице толпились богемного вида студенты: свитера, бороды, длинные волосы, сумки от противогазов через плечо, глубокомысленные разговоры, сигаретный туман. Поднявшись на самый верх, Андрей свернул в коридор, прошел его до самого конца и в раздумье остановился у последней двери, прислушался к доносящимся из-за нее звукам.

В глубине мастерской гремел хорошо поставленный бас преподавателя. Желая остаться незамеченным, Андрей быстро нырнул в закуток, в котором две девушки и парень раскрашивали — каждый на своем подрамнике — фасады южных коттеджей.

— Какие люди! — изумился парень.

— Тише... — Андрей пригрозил ему кулаком.

Однако бас преподавателя уже неотвратно приближался.

Андрей уселся перед своим девственно-белым подрамником, едва тронутым неясной сеткой карандашных линий. В углу бросалась в глаза размашистая надпись карандашом «Билеты на тебя заказаны, зайди на Бойцова, Володя». Андрей схватил резинку и начал быстро стирать надпись.

— Кто к нам пожаловал! — раздался за спиной громкий радостный возглас. — Господин Куликов! Очень, очень рады!

Из-за стеллажей высунулись любопытные физиономии.

— Какими судьбами? — вдохновенно продолжал преподаватель. — Вернее даже будет спросить, какими горными ветрами занесло вас в нашу скромную тесную мастерскую на уровне Балтийского моря? Должно быть, проездом из Гиндукуша в Каракорум решили, так сказать, осчастливить своим посещением? Что ж, премного, премного благодарны! Ну-с, поведайте нам, хилым, так сказать, жителям равнин, где вы были все это время? Что видели? Какие, так сказать, новые вершины покоряли? Мы все тут, я думаю, с удовольствием вас послушаем!

Андрей молчал, глядя в окно.

— Ну-с, не будьте же таким гордым, господин Куликов! Снизойдите до разговора с нами, грешными... Земными, так сказать, людьми.

— Я болел, — выдавил наконец Андрей.

— Ах, вот оно, оказывается, что! Вы болели? — не унимался преподаватель. — Что-то не похоже по вашему цветущему, загорелому лицу... Однако, какой же вы, оказывается, нежный, болезненный юноша... Надо быть осторожнее! Надо беречь свое здоровье! Надеюсь, у вас есть справка?

— Есть.

— Это, конечно, хорошо, что у вас есть справка, очень хорошо! Без справки разговор с вами был бы, конечно, уже совсем другой... Но она, мне думается, вряд ли поможет вам сдать к сроку курсовой проект... А? Что вы думаете по этому поводу?

— Не знаю, — пробормотал Андрей. — Я попробую успеть... Я постараюсь как можно быстрее...

— Он постарается! — перебил преподаватель. — Как это мило с вашей стороны, как благородно! Однако, как же это вы, интересно знать, попробуете успеть, когда ваши товарищи уже два месяца кряду, не жалея, так сказать, живота своего, допоздна тут сидят, выкладываются, многие уже второй этап сдали, а вам еще до эскиза только месяц в лучшем случае добираться?! И то, если вкалывать с утра до вечера... Вы что же думаете, что вот так вот, не бей, так сказать, лежачего, без консультаций с преподавателями, без поправок, сами по себе вдруг возьмете и создадите что-нибудь удобоваримое? Новое, так сказать, слово в архитектуре? Сомневаюсь, очень сомневаюсь! Здесь вам не равнина, Куликов, здесь климат иной!

Преподаватель протиснулся вплотную к Андрею:

— Вот это у вас что?! — жирным карандашом он обвел группу тонких линий внизу подрамника.

— План...

— Это, родной мой, свиноматка какая-то, а не план! — студенты за стеллажами весело заржали. — А это?

— Эркер...

— И как вы это себе конструктивно представляете, интересно знать? Да вас же строители засмеют, Куликов! — преподаватель размахисто перечеркнул что-то на листе.
— Где фасад?

— Вот... — Андрей указал в левый верхний угол.

— Та-ак... А север у вас где?

— Там, — Андрей показал направление.

— А это что?

— Спальная зона...

— Спальная зона?! — разъярился преподаватель. — И вы хотите сказать, что солнца будет достаточно?!

— Мне кажется, достаточно...

— Ему кажется! Ха! Ну, просто детский сад какой-то! Вот именно, что кажется. Дорогой мой, да в вашей спальне мужик бабу днем с огнем не сыщет! В общем, вот что, Куликов... В связи со всем уже сказанным, я думаю, что мы не сможем принять ваш проект даже в том случае, если каким-нибудь волшебным образом он вдруг появится к положенному сроку, — засунув карандаш в нагрудный карман рубашки, преподаватель выбрался в проход.

Андрей сидел на стуле, тупо уставясь в исчириканный карандашом лист.

— Не дрейфь! — подал голос сосед.

— А! К черту... — Андрей безнадежно махнул рукой.

— У тебя что, правда, есть справка? — поинтересовался сосед.

— Да я только что из бараков! — разозлился Андрей. — Разве не заметно?!

— Да, честно говоря, не очень... Одна?

— Что одна?

— Справка.

— Одна, конечно, — не понял Андрей. — А сколько же?

— Надо всегда брать две справки, — пояснил сосед.

— Зачем это?

— Потому что когда в деканате они будут твою справку в бешенстве рвать на кусочки, у тебя всегда останется второй целый экземпляр...

К Андрею подошла девушка, одетая в синий строгого покроя костюм:

— Куликов, тебя вызывают в деканат.

— Да? — Андрей внимательно поглядел на нее. — Не может быть. Ты ничего не путаешь?

— И еще, — будто не слыша его, продолжала девушка, — специально для тебя, поскольку ты не был вчера на собрании: первого мая встречаемся в восемь утра у института.

— Я не смогу, — отрезал Андрей.

— А ты никогда не можешь! — взвилась девушка. — Мне уже надоело все время из-за тебя по шее получать! Сказали, что будет представитель с кафедры и что будут считать всех по головам и отмечать, кого нет. Так что отложи, пожалуйста, все свои важные дела и приди. Это ненадолго.

— Я же только что из больницы! — взмолился Андрей. — Мне сейчас вообще лежать надо! У меня алиби, уважительная причина!

— В общем, я тебе сказала, все слышали, — резко повернувшись на каблуках, девушка отошла.

Андрей взял со стола, заваленного красками и кисточками, газету.

— Твоя?

— Можешь взять, — разрешил сосед.

Андрей поднялся и направился к двери.

— Далекое? — спросил сосед.

— Пойду, кофе попью.

Андрей прошел решетчатые чугунные ворота парка и сел на свободную скамейку. Глянул на часы, потом развернул газету, рассеянно проглядел заголовки.

По берегу пруда носились собаки. Пенсионеры резались в шахматы за дощатым столом. Молодая мамаша качивала ребенка.

Вскоре в арке жилого дома напротив появились несколько человек в разноцветных ветровках и замелькали вдоль сетки, ограждавшей хоккейную коробку. Андрей, заслонившись газетой, следил за ними. Первым мимо него легко и быстро пробежал Антон. Следом, тяжело дыша и отплеываясь, — Сергей. После Сергея, разговаривая о чем-то между собой, — Юлик и Валера. В отрыве от них — большая, человек в двенадцать, компания, и уже в самом конце — Нина, невысокая хорошенькая девушка с хвостиком светлых волос, перетянутых черной резинкой. Подождав, пока она пробежит мимо, Андрей встал, скрутил газету и устремился следом. Некоторое время он держался у нее за спиной, а затем, немного увеличив темп, пристроился рядом.

Нина бежала, глядя прямо перед собой, стараясь правильно и равномерно дышать. Андрей тоже глядел перед собой и также показательно дышал. Услышав сопение над ухом, она наконец обернулась, увидела сосредоточенно бегущего, в плаще и ботинках, Андрея, прыснула со смеху, тут же сбилась с дыхания и остановилась.

— Андрюша! А я тебя и не замечала... Ты давно уже так?

— Минут двадцать! — он обнял ее и поцеловал в щеку.

Когда они подошли к остальным, все уже отдыхали, развалившись на скамейках. Несколько человек пытались ходить по перилам невысокого мостика. Антон, Юлик и Валера лежали на газоне.

— Кто эти мужественные люди?! — крикнул Андрей издали. — Кто эти смелые ребята?!

— О! Смотри-ка — Куликов!

— Здорово, циррозничек!

— Живее всех живых...

Нина устало присела на парапет.

— Ты едешь на майские? — к Андрею подошел бородатый мужчина.

— Не знаю, Алик... — Андрей облокотился на перила, наблюдая за плававшими в пруду утками. — Вряд ли... Я только что от Боткина... Долгов куча в институте...

— Да брось ты! — прыгнул рядом потерявший равновесие Сергей. — Первый раз замужем, что ли? Возьмешь продление сессии, все нормально будет!

— Грозилась в этот раз не дать ничего.

— Ерунда, поехали — там разберемся! — уговаривал Альберт. — К тому же ты заявлен, а менять состав уже поздно...

— Какие соревнования, Алик, о чем ты говоришь? Я три недели под капельницей пролежал...

— Ну, все равно! В конце концов, просто отдохнем, в футболчик сыграем... — Альберт повернулся к остальным, хлопнул в ладоши:

— Подъем!

— Всем пока! — махнул рукой Андрей.

— Ты едешь сегодня? — спросил Юлик.

— Думаю еще.

— Боишься рецидивов? — поинтересовался Антон.

— Чего тут думать, поехали! — крикнул Валера.

Проходными дворами Андрей вышел к общежитию. На вахте ему преградила дорогу что-то дожевывающая старуха-дежурная, властно требуя пропуск. Ни слова не говоря, Андрей вернулся на улицу, обогнул здание, запрыгнул на пожарную лестницу и, поднявшись на уровень третьего этажа, влез в окно туалета.

В просторном коридоре гремела музыка. Девушки в халатах носили кастрюли с едой, молодые люди в тренировочных штанах курили на пороге общей кухни, арабы с полотенцами через плечо шли в душ, мальчик лет четырех, с коркой засохших под носом соплей, катался на трехколесном велосипеде.

В комнате Володи орал магнитофон. Два парня, стоя на кровати, пробивали дыру в стене и тянули в соседнюю комнату телевизионную антенну. Летела пыль, падали на покрывало куски штукатурки. На этой же кровати сидел Володя, читал книгу и что-то выписывал в тетрадку. Длинноногая девушка в шортах готовила салат.

Андрей присел на кровать:

— Мой сын — как Пушкин. Читает — пишет, читает — пишет...

— А мой — как Ленин, — Володя отложил книгу. — Тюрьма — ссылка...

— А где Нгуен? — Андрей кивнул на пустующую койку, над которой висели картинки с видами Вьетнама.

— Как обычно. Сдал сессию и поехал домой. Не то, что мы...

— Воевать?

— Да нет, вроде. Там уже все нормально — мир, дружба, фройндшафт...

— Брудершафт.

— Во-во, что-то вроде этого, — засмеялся Володя, — скупил весь рис в окрестных магазинах, сел на велосипед и поехал.

— Какие новости?

— На нас уже взяли билеты. На двадцатое июня.

— Как на двадцатое июня?! — оторопел Андрей. — Ведь собирались ехать почти на месяц позже!

— Там у них что-то поменялось.

— Черт побери! — Андрей огорченно откинулся на спинку кровати. — Я не успею к двадцатому. Даже не знаю, что и делать... Все навалилось разом... И в институте тоже... Преподы все, как с цепи сорвались...

— Ну, до двадцатого-то время есть еще — два месяца почти...

— Да нет уже времени! Не понимаю даже, в чем дело. Вроде пятый курс уже...

— Да все нормально будет! — успокаивал Володя. — Куда они денутся? План по специалистам еще никто не отменял. Если они тебя до сих пор еще держат, значит, это кому-нибудь нужно...

— Думаешь? — засмеялся Андрей.

— Уверен.

— Ну, ладно, мне пора уже, — Андрей поднялся. — Ты едешь сегодня?

— Еду.

— Что-то не заметно по тебе.

— Так мне тут два шага ступить. А ты?

— Не знаю пока.

— Может, поужинаешь с нами? — спросила девушка.

— Спасибо, Галка, как-нибудь в другой раз. Опаздываю уже...

Андрей быстро прошел по опустевшему коридору и свернул вниз, на лестницу.

Прихожую перегораживали два мокрых рюкзака.

Из кухни вышла Нина:

— Привет!

— Мерзкая погода... — Андрей бросил куртку на вешалку. — Чего это у тебя такой грустный вид?

Из комнаты вывалились Валера и Антон:

— Где тебя носит? Мы уже два часа тут торчим! Ну, ты едешь?

— Нина, что это за люди? Что они делают в нашей квартире?

— Мы тут живем.

— Они телевизор смотрят. «Овод», — сказала Нина.
— Ну, и как? Видели себя? — Андрей переместился в кухню. Нина зажгла плиту, поставила чайник.
— Ни тебя, ни себя, — Антон сел у окна, — там и скал-то никаких нет.
— Эпизод в фильм не вошел, — засмеялась Нина, — его, наверное, вырезала цензура. С такими-то рожами...
— Не нравятся, что ли, рожи?! — возмутился Валера.
— Шутка, — успокоила его Нина. — На праздниках будут остальные серии показывать, я посмотрю, потом вам все расскажу.
— Разве ты не поедешь? — удивился Андрей.
— Нина плохо себя чувствует, — ответил за нее Валера.
— Серьезно?
— Ну, я тебе потом объясню... Есть будете?
— Куда есть, уже бежать надо! — заторопил Валера. — Короче, ты едешь, или как?
— Или как... Не знаю... Погода не очень... Дел куча...
— Два дня погоды не сделают! — заверил Валера. Все засмеялись.
— Нина, так я поеду?
— Что это, вдруг, с тобой случилось? Спрашивать начал... — удивилась Нина. — Естественно нельзя! Уже поздно, и к тому же дождь.
— Это он еще не совсем выздоровел, — сказал Антон.
— Отлично! — подвел итог Валера. — Я иду ловить машину, жду вас внизу. Давайте быстрее.

Полупустой вагон метро раскачивался из стороны в сторону. Развалившись на сидении, храпел заросший щетиной молодой человек. Напротив него, брезгливо поджав ноги, сидела женщина лет сорока. Рядом с ней — непроницаемого вида военный, и чуть поодаль — три смешливые девицы, которые все время негромко переговаривались и постоянно хихикали.

На очередной станции в вагон вошел крепкого сложения мужчина в промокшей штормовке, лет тридцати четырех, с небольшой лысиной на голове и развевающимися вокруг нее влажными вихрами, и с ним две девушки в резиновых сапогах. Скинув рюкзаки, они остановились в проходе.

Перестав болтать и даже слегка подавшись вперед, девицы с веселым любопытством уставились на шерстяное, в обтяжку, спортивное трико на ногах мужчины, на котором вместо лампасов были вышиты какие-то слова.

— От Светланы, Лены, Татьяны, Нины, Марины и Наташи, — зачитали они вслух. — Ого!

Заметив, что его штаны привлекли внимание, мужчина отработанным движением манекенщицы развернулся к ним другим боком, красиво изогнув ногу и чуть приподняв край штормовки, закрывающей окончание фразы.

Девицы прыснули.

— Эдику Рахимову — от преданных поклонниц... — восхищенно продекламировали они.

Последняя пригородная электричка стояла, раскрыв двери, на перроне. Кто-то ввалился в тамбур и застыл, вглядываясь во тьму неосвещенного вагона. Неясные, едва различимые во мраке фигуры полулежали на сидениях.

— Я туда попал? — спросил человек от двери.

— Туда, Костя, туда... — ответили фигуры.

Нетвердым шагом человек пробрался по проходу, скинул на пол рюкзак, присел на свободную скамейку.

— Как подача? — спросили из темноты.

— Успел, — порывшись в рюкзаке, Костя что-то извлек из его недр и гулко чмокнул пробкой в тишине.

Несколько фигур заметно оживились.

Костя сделал пару глубоких продолжительных глотков.

— Вовик с тобой? — спросил кто-то

— Курит с кем-то у последнего вагона. Будете?

— Спрашиваешь! — удивились голоса.

— Давай сюда...

Бутылка пошла по кругу.

Подсунув рюкзак под голову, Костя забрался на скамейку и лег, подогнув ноги с прохода.

— Я почти двое суток не спал. Не забудьте меня в Кузнечном, — попросил он.

— Хорошо, — пообещали ему.

— Спокойной ночи...

На старом прогнившем деревянном настиле стоял ряд покосившихся палаток. Около потемневшего от времени бревенчатого стола дымил костер. Светлана в мужских сапогах и меховой безрукавке раздувала огонь: махала пенопластовым ковриком, подкладывала влажные веточки. Юлик и Валера, оба опухшие от сна, безуспешно пытались надуть воздушные шары. Татьяна опутывала кусты разноцветными гирляндами.

За голыми деревьями блестело озеро. У берега стоял мольберт. На акварельном листе широкими мазками была намечена будущая картина: озеро, деревья, мостки. Каждый, кто шел умываться, считал своим долгом добавить к предполагаемому пейзажу что-нибудь от себя. Так на озере появился остров, на острове — пятиэтажная хрущевка, потом сосны превратились в пальмы, на пальмах возникли обезьяны с бананами в руках, а от одной из них протянулась стрелка к надписи «Наташка». Последней к мольберту подошла заспанная худенькая девушка с махровым полотенцем через плечо:

— Гады! Кто это сделал?! — жалобно вскрикнула она.

Антон лихорадочно искал в рюкзаке футболку. Володя штопал драное трико. Костя скакал на одной ноге — другая была босая — вокруг настила, рылся в разбросанных повсюду вещах.

— Волки позорные, что у вас за форма? Где вы ее держали? Такое впечатление, что вы ее жевали всю ночь... — издевался над ними Виктор — обаятельный загорелый мужчина лет тридцати пяти с выцветшими голубыми глазами и двухдневной щетиной на подбородке. — Да-а, Виталик, не то поколение нынче, не то! Чего-то такого в них не хватает... Мы в ваши годы вставали засветло, разминались, потом купались в озере — в любую, заметьте, погоду. Доставали из чистых полиэтиленовых пакетов отглаженные хрустящие футболочки — приятно было посмотреть... А вы?.. Где лицо секции?.. А еще в команду хотите попасть...

— В семье не без уродов, — согласился с ним Виталий — крепкий розовощекий мужчина лет тридцати.

— Витя, отвали, — попросил Антон. — И так тут мандраж с самого утра, так и ты еще...

— О! Ирка идет, — сказала Татьяна.

Со стороны леса приближалась коротко стриженная плотная женщина с солидной папкой в руке. Раскрыв блокнот, она на ходу громко выкрикивала:

— Куликов — пятый номер! Парфенов — двенадцатый! Семенов — тридцать девятый! Ли — сорок восьмой!

— Заутро казнь, привычный пир народу, — пробормотал Володя.

— Чего, чего? — рассеянно переспросил Костя.

— Вот вы, вроде, почти все тут ленинградцы — а культуры никакой. Книжек не читаете, — не унимался Виктор. — Как моя жена прямо, — он начал смеяться. — Я ей говорю: «Сходи, что ли, в Эрмитаж — культурки хапни». А она обижается...

Из кустов появился разгоряченный Андрей с заляпанным грязью рюкзаком, в распахнутой от быстрой ходьбы куртке, следом за ним шел мужчина в трико с надписями на лампасах.

— Эдя! Андрей! Где вас носило? — набросилась на них Наташа, прилеплявшая к мольберту новый акварельный лист. — Мы всю ночь тут по кустам шарили. Все батарейки из-за вас посадили!

— Можно подумать, мы дети малые, — Андрей сбросил рюкзак и устало плюхнулся на настил. — От погранцов всю ночь бегали. Еле ноги унесли.

— От финских? — съязвила Татьяна.

— Нет, пока от наших...

— Прошу зафиксировать новый рекорд, — объявил Эдик, — тропу сделали с одной ночевкой!

— Андрей, у тебя пятый номер, — сказала Ира.

— Какой?

— Пятый.

— Проклятье, — Андрей стащил мокрые кроссовки. — А с кем я?

— Ты с Марчуком. Первый старт в десять.

— Мы как, сначала поедим, а потом на демонстрацию? — спросила Светлана.

— Давайте сейчас!.. Лучше после!.. — закричали все разом.

— Демонстрант должен быть злым и голодным, — сказал Виталий.

За ближайшими деревьями вдруг раздался заразительный гогот и дружные аплодисменты.

— Ну вот, Технологи как всегда первые, — огорчилась Татьяна.

Все не спеша потянулись к озеру, и через некоторое время у берега выстроилась шеренга человек в двадцать — двадцать пять.

Эдик и Альберт развернули длинный кусок ватмана с надписью «Трибуна». По шеренге пронесся смешок.

— Начинаем праздничную первомайскую демонстрацию!.. — зачитал Эдик по бумажке.

— А сейчас мимо трибун на Дворцовой площади проходит колонна учащихся и недавних выпускников Ленинградского инженерно-строительного института! — подхватил Альберт.

— Слово для праздничного первомайского доклада имеет заведующий отделом Института социальных проблем Виталий Михайлович! — продолжил Эдик.

— Пожалуйста, Виталий Михайлович, — пригласил Алик.

Зрители захлопали. Виталий выкатил небольшой чурбан, забрался на него и развернул листок с текстом.

— Товарищи! — начал он грассируя. — Общеизвестны печальные результаты столкновения подрастающего поколения с миром большой дороги, на которую они попадают сразу же после окончания средней школы...

К сожалению, необходимо признать, что есть факторы, значительно усугубляющие тяжелое впечатление от этой неминуемой встречи.

Помимо объективно опасных социальных групп, а именно: неуживчивых соседей, старых дев, просто плохих людей и хулиганских шаяк, не менее сильное воздействие на юный неокрепший организм оказывают также и расплодившиеся в последнее время многочисленные секции альпинизма.

Для более тесного контакта с изучаемым явлением младший научный сотрудник нашего НИИ проник в одно из таких образований, свившее себе уютное гнездышко под

крышей Ленинградского инженерно-строительного института. Считаю своим долгом ознакомить вас с некоторыми данными его многолетних исследований.

Анализ качественного состава людей, с которыми, попав в сети этой организации, столкнется ваше чадо, тревожен: преимущественно молодые люди с социально-опасным чувством юмора; в основном перспективные специалисты широкого профиля; в подавляющем большинстве с высшим и незаконченным высшим образованием.

Предварительное обследование мест их ежегодного пребывания дало возможность сделать следующее заключение — там собрано все, крайне враждебное человеку: самый холодный снег, непростительно скользкий лед, малопривлекательное нагромождение камней.

Вызывают также опасение итоговые цифры за год: проживание в горах — 100 дней; сон за оставшееся время — 90 дней; тренировки по 10 часов в неделю — 20 дней; минус субботы, воскресенья и праздничные дни — 100 дней. Итого: 310 дней отсутствия за год! Что же остается для созидательного труда, для общественно-полезной работы?!

Тяжело говорить о том, что пришлось пережить нашему товарищу. Пройдя через систему бесчеловечных физических и опустошающих моральных упражнений, потеряв уважение коллег по работе, испортив отношения с женой и путая имена своих детей, а также навсегда утратив жизнерадостность и остатки здоровья, небритый и мрачный, — Виталий простер руку в сторону стоящих в шеренге, — он стал походить на этих людей...

Нелегко перечислять массу приобретенных им извращенных привычек, бездонен багаж нечеловеческих приемов, благодаря которым он был вынужден существовать в горах: добыча подножного корма; отправление пищи в рот всеми доступными и недоступными способами и средствами; мертвый сон в любое время дня и на любом рельефе; традиционно бесплатный проезд в электричках и поездах дальнего следования.

Материал, поступающий от нашего друга, с каждым годом становится все более и более удручающим. Вот его последнее сообщение: «Оправдались худшие предположения...»

Работа, проведенная нами, огромна; факты исчерпывающи, и вывод оказывается однозначным:

- Ни шагу в горы! — крикнули хором Виталий, Эдик и Альберт.
- Ура-а-а! — радостно подхватили остальные.

Андрей, Валера и Антон шли вдоль невысоких, поросших мхом гранитных скал. Валера нес полупустой рюкзак. У Андрея и Антона висели на шее связанные за тесемки узконосые галоши.

В глубине леса открылся большой ухоженный лагерь Технологов. По краям импровизированного футбольного поля стояли аккуратные свежие настилы с ровными рядами ярких палаток под тентами и длинный удобный стол. Мощно дымил огромный костер, окруженный поленницами аккуратно нарубленных дров. Здесь было так много народу, что большая часть, не уместившись за столом, расположилась со своими мисками на настилах и даже просто на земле.

— Мужики! — закричали им от стола. — Поздно уже тренироваться! Идите каши поешьте!

- На провокации не отвечаем! — хмуро заявил Валера.
- Я бы лучше поспал, — сказал Антон.
- Андрюха, иди к нам! — продолжали зазывать хлебосольные Технологи. —

Пусть тренируется тот, кто не умеет лазать!

- Мою порцию я отдаю Марчуку, — сказал Андрей. — Проследите, чтоб съел.

Худой, в круглых очках на лошадином лице, Марченко продемонстрировал тарелку, полную каши:

- Не бойсь, не отравлено!

Шестидесятиметровая скала вздымалась вверх отвесными, сильно расчлененными уступами. На сером граните блестели свежей краской какие-то точки, стрелочки, кружочки. В метре от земли, как петли на виселицах, сиротливо покачивались веревки с узлами на концах.

Толпы болельщиков теснились у края озера, плотно облепляли каменистые, поросшие лесом склоны. Те, кому не хватило места на земле, гроздьями висели на деревьях.

В крошечный стартовый городок, огороженный веревками, влезли два молодых человека, прицепились к узлам свисающих веревок. Судья дал старт.

Зрители начали кричать. Молодые люди быстро поднимались вверх, уверенно преодолевая простые первые метры скалы. Однако вскоре, добравшись до более сложных участков, резко сбавили темп и, наконец, остановились совсем.

Правый надолго застыл под большим нависающим пузом. Изогнувшись, он не глядя тянулся вверх. Его рука шарила по гладкой поверхности гранита сантиметрах в двадцати ниже удобного острого выступа. Не найдя ничего подходящего, он с большим трудом приспустился на полметра вниз и поочередно встряхнул затекшими руками.

— Петя, ноги! — несколько болельщиков, оттеснив окружающих, придвинулись вплотную к ограждениям. — Подбери повыше ноги!

В это время под одобрительный гул левый скалолаз прошел сложный кусок на своем маршруте и почти бегом устремился вверх.

— Насасывай!.. — взревели зрители. — Зашнуривай!..

Правый обернулся в сторону противника.

— Да не смотри ты по сторонам! — закричали ему — Давай, борись!

Парень опять подступил ногами и снова потянулся вверх рукой, но по-прежнему не мог достать выступ.

— Петруччо, еще пять сантиметров! — завопили с дерева.

Собрав остатки сил, он уперся носком галоши в крохотную лунку на уровне колена, привстал, наудачу кинул руку вверх и, едва скользнув пальцами по выступу, мгновенно потерял равновесие и сорвался вниз. Пролетев пару метров, он повис на веревке, беспомощно болтаясь из стороны в сторону.

— Проклятье! — простонал кто-то.

Когда сорвавшегося в очередной раз прибило к скале, он, публично коря себя, несколько раз ударился о нее головой в каске. Под всеобщий смех его плавно опустили на землю.

В это время его противник под неистовые вопли болельщиков уже стремительно бежал вниз...

Андрей обувал галоши. Юлик и Валера разминали ему спину и предплечья.

— Успокойся, — быстро говорил Эдик. — Главное — подбери ноги под балконом, иначе никак. Достанешь лоханку — считай, дело сделано.

— Расслабь руки, — сказал Юлик, — они у тебя как каменные...

В это время левый участник, уже в одиночестве, стартовал на правом маршруте.

— Вот, смотри, как Сёма сейчас балкон полезет, — сказал Эдик.

Парень быстро добрался до нависания и с маху кинул правую руку наверх, почти достав до выступа, но поскользнулся и едва не сорвался.

Зрители ахнули.

— Аккуратненько, Сэм! — звонко крикнула какая-то женщина. — Спокойненько!

Снова подступив ногами, он, на этот раз уже медленно и осторожно, потянулся вверх. В наступившей тишине было слышно его тяжелое дыхание.

Улучив момент, группа поддержки его бывшего соперника протиснулась еще ближе к скале и начала громко хором дышать ему в такт, низко склоняясь после каждого выдоха.

В толпе пронесся смешок.

— Тюля, отвалите! — послышались голоса с разных сторон.

— Работай, Сёма, работай!

На мгновение потеряв равновесие, парень медленно и плавно, как на экране, отвалился от скалы и осел на веревке.

— О-ох!!.. — разом выдохнули зрители...

Андрей нырнул под веревочное ограждение.

— Андрюха, держись! — подбадривали его с разных сторон.

— Главное — спокойствие...

— Где Марчук?! — беспокоилась девушка с секундомером в руке.

— Да здесь, здесь...

— Пусть идет.

В стартовый городок влез длинный узкоплечий Марченко. Проходя мимо Андрея, он одобрительно похлопал его по спине:

— Это была старая боевая лошадь!

— Это были две старые боевые лошади, — уточнил кто-то.

Зрители засмеялись...

Судья дал отмашку.

Марченко уверенно и цепко двинулся по своему маршруту.

Расталкивая сидящих на ветках зрителей, Валера полез на дерево.

— Отлично, отлично идешь, — подбадривал он Андрея, — все нормально... правее руку... еще... так...

Остановившись под нависанием, Андрей запрокинул голову, разглядывая гранитное пузо. Потом приспустился вниз и сдвинулся вправо.

— Куда?! — закричал Валера.

Но было уже поздно. Андрей сделал несколько судорожных, неуверенных движений, и неожиданно вожделенный выступ оказался прямо перед его лицом. Однако при этом он не мог оторвать от скалы ни одной руки. Втиснутые в гладкую трещину пальцы грозили вот-вот выскользнуть. Застывшие в неестественном положении ноги начали дрожать от напряжения.

— Давай, Андрей, давай! — кричали с разных сторон. — Уже немного осталось!

— Зубами хватай! — злобно посоветовал кто-то.

Андрей осторожно отпустил левую руку, но его тут же откинуло в сторону. Чтобы не сорваться, он на секунду уперся в угловую стеночку, находящуюся уже за ограничением, оттолкнулся от нее и снова возвратился на место.

— Внимательно! — заорал с дерева Валера.

— Аккуратнее, Андрей, аккуратнее!

Андрей продолжал висеть на скале.

— Не трать силы, лезь! — кричали снизу.

Андрей отпустил руку, и его опять отбросило в сторону.

— Участник Куликов снят за неоднократный выход за ограничения, — объявил судья.

Андрей в замешательстве глянул в его сторону.

— Спускайтесь, участник, спускайтесь! — повторил судья.

— Лезь дальше, не слушай никого! — раздался чей-то истощный вопль.

Андрей посмотрел вниз и, помедлив еще некоторое время, разжал руки.

Костер еще дымил.

Андрей выскреб со дна котла остатки каши, зачерпнул чай и, запивая на ходу, пошел к настилу. Поставив чашку на землю, скинул сапоги, забрался в палатку, вытащил из рюкзака спальный мешок, расстелил его, чей-то мешок подгрел под голову, другим накрылся сверху и задернул полог.

Накрапывал мелкий дождь.

Азарт поубавился, зрители выдохлись. Никто никого не подгонял, не давал никаких указаний. Все устало наблюдали за происходящим.

В абсолютной тишине худой широкоплечий парень с огромными ручищами подобрался под роковое нависание, спокойно, без видимых усилий взялся за недоступный выступ, подтянулся и легко выбрался наверх балкона.

— Вот это грабли! — нарушил молчание изумленный голос.

— Ха! — раздался хриплый смешок откуда-то сверху. — У мафии длинные руки!

Задремавшие было болельщики очнулись.

— Беги, Мафия! — крикнул кто-то.

Узрев наконец победу и нового героя, зрители стали распалаться и, забыв обо всем, в едином порыве достигнув прежнего накала страстей, радостно заорали во все горло:

— Молодец, Мафия!.. Беги, Мафия!..

Все сидели плотным кольцом у костра, сушили на коленях одежду, курили, время от времени подкладывали в огонь поленья. Яркие искры с шипением улетали в ночное небо.

Эдик откупорил несколько бутылок вина и вылил содержимое в большой закопченный чайник, висевший на проволоке. Следом за ним Альберт покрошил в чайник яблоки, выжал пол-лимона, кинул пригоршню рафинада.

— Муфлоны беременные! — ругался Виктор. — Стыд и позор! Андрей, старина, ты лез так, будто у тебя нет ног...

— Да ладно тебе! — вступилась Ира. — Андрюша, не расстраивайся! Пролезло всего шесть человек.

— Вот шесть-то человек и попадут в команду, — проворчал Виктор.

Неожиданно раздался сильный хлопок, и в небе, осветив все вокруг, вспыхнул фейерверк. Сразу же за ним — второй, потом третий. Яркие, рассыпавшиеся букетами, разноцветные огни ненадолго выхватывали из темноты силуэты деревьев, отражались в черной глади озера. Со всех сторон слышались радостные крики.

Сидевшие у костра завопили, как умалишенные, вскочили со своих мест и кинулись на берег.

Возле огня остались только Эдик, помешивающий веткой глинтвейн, и Андрей, курящий очередную папиросу.

3

По наклеенной на стену карте Советского Союза из северо-западного региона в сторону границы с Китаем быстро бежал таракан. Чья-то вымазанная тушью рукой линейкой прихлопнула его в районе города Кзыл-Орда...

Андрей отъехал вместе с табуреткой от подрамника, на котором уже появились контуры будущего коттеджа. Не спеша, аккуратно закрыл банку с тушью.

В комнате кроме него работали еще три человека, ютась со своими досками между не застеленной двухэтажной кроватью, не закрывающимся шкафом и кухонным столом, заваленным красками, кисточками и банками с грязной водой.

— Уходишь? — спросили его.

— Мне пора уже, — вытирая руки о тряпку, Андрей выглянул в раскрытое окно. На подоконнике противоположного дома сидела, свесив ноги, полная женщина в нижнем белье. Увидев Андрея, она кокетливо помахала ему и послала страстный воздушный поцелуй.

— Вадик, смотри, — позвал Андрей, — дама твоего сердца уже на посту.

— Когда-нибудь она все-таки свалится оттуда... — не поворачивая головы, ответил бородач из угла комнаты.

— А ты папашу ее видал? — спросил Андрея сидевший рядом длинноволосый парнишка.

— Нет. А что за папаша?

— Ну! — увлеченно начал рассказывать длинноволосый. — Старикан такой, с по-
левым биноклем. Ему уже лет восемьдесят, наверное. Он в соседнем окне живет. У него
кликуха — Казанова... Сейчас просто не его время. Он сова, ему нужны сумерки. Его
звездный час наступает поздно вечером, когда девушки из общежития начинают ложиться
спать...

С полупустой сумкой через плечо, грызя сушку, Андрей шел вдоль цехов завода
«Светлана». В переулке было зелено, солнечно. Тополиный пух летал по воздуху, комья-
ми катался по асфальту. Свернув за угол, он нагнал Юлика и Татьяну. Вместе они пролез-
ли в отогнутые прутья решетки и наткнулись на пару спортивных велосипедов и само-
дельные рюкзаки, брошенные на траве. Человек восемь стояли неподалеку, озадаченно
разглядывая стену главного здания, облицованную крупными обломками разноцветного
гранита, вделанными в сероватый раствор цемента. Подойдя к ним, Андрей, Юлик и Та-
тьяна остановились рядом и недоуменно переглянулись между собой.

— Привет, Анатолий, — поздоровался Андрей, — Что вы тут высматриваете? Будут
что-то показывать?

— А ты потрогай, — коренастый мужчина в спортивном костюме показал ему на
стенку.

Сбросив сумку, Андрей осторожно прикоснулся пальцем к розоватому обломку
гранита, торчащему из стены. На пальце остался грязный след.

— Чем это она вымазана? — Андрей наклонился, вытирая руку о траву.

— Понятия не имею, — пожал плечами мужчина.

— А чего это вдруг? — поинтересовалась Татьяна.

— Да, в общем-то, не вдруг, — сказал мужчина. — Директор завода недоволен.
«Вы, — говорит, — выломаете нам всю облицовку». Поначалу водой из окон поливали,
теперь вот — мажут чем-то...

Юлик тоже потрогал стенку пальцами, потер их друг о дружку, понюхал. Удивлен-
но снова вымазал палец и опять понюхал.

— Да это же солидол! — обрадовался он. — Мне для машины как раз нужно, я уже
месяц его ищу! Надо же...

Не разделяя восторга, мужчина недобро обернулся в его сторону:

— Тебе и карты в руки, старичок, — соскребай!

Сойдя на конечной, Андрей пошел по дороге. В проходной мясокомбината маячил
охранник в полувоенной форме и, скрестив руки на груди, подозрительно следил за его
передвижением. Лежавшая у ног охранника овчарка тоже хмуро косила глазом в сторону
Андрея.

В конце забора стояли развалившиеся товарные вагоны, набитые ребрами каких-то
животных. Двери вагонов были отодраны, и ребра в изобилии валялись вокруг, как после
нападения гигантской стаи хищников.

Обогнув вагоны, Андрей вышел к зданию котельной и высоченной облезлой трубе,
за которой открывались заросшие бурьяном поля и чахлый лес вдаль. Андрей задрал голо-
ву. Сигнальные фонари тускло горели в сумеречном небе. Сложив ладони рупором, он
крикнул:

— Витя!.. Слава!..

От его крика взмыли вверх тучи жирных чаек и начали, галдя, кружить в воздухе.

На нижней, опоясывающей трубу решетчатой площадке появился едва различимый
силуэт и свесился вниз. Сказал негромко:

— Мы здесь, поднимайся.

Андрей уцепился за нижнюю ступеньку, прошкрябал ногами по бетону и забрался
на лестницу...

Виктор и Слава счищали металлическими щетками лохмотья старой краски с прутьев ограждения.

— Ну, как вы тут? — Андрей облокотился на перила рядом с ними.

— А! Нормально, — отозвался Слава.

— Закурим? — Андрей достал сигареты.

— Давай, — они с готовностью отложили щетки и закурили, тоже облокотившись на перила и глядя на багрово-красные от закатного солнца болото, лес и линию электропередачи. Из болота поднимались испарения и туманом расползались вокруг.

— Зона... — нарушил молчание Виктор.

Андрей в последний раз глубоко затянулся и щелчком выбросил сигарету, следя за летящим вниз огоньком.

— Должен тебя огорчить, старина, — денег за стекла пока нет, — Виктор тоже бросил вниз окурок. — И в ближайший месяц вряд ли будут.

Андрей молчал.

— Ты когда едешь? — спросил Виктор.

— Билеты на двадцатое.

— Займи у кого-нибудь, — посоветовал Слава. — К осени-то уж точно должны быть.

— Жизнь взаимы, — сказал Андрей. — У меня уже почти триста рублей долга.

— Что делать, старина, — развел руками Виктор. — Такова спортивная жизнь! А то выходи, вот, с нами на трубу.

— Не могу. Лимит трудодней уже исчерпан, — Андрей выпрямился. — Ну, что, вы еще долго тут собираетесь? А то поехали в город — там вино и женщины... У меня есть треха.

— В таком случае у меня червонец, — обрадовался Слава.

Из котельной с шумом вырвалась мощная струя пара, снова подняв с земли крикливые тучи.

— Вино, это, конечно, хорошо. Но вот женщины, — Виктор додумывал какую-то свою мысль. — Женщины, старина, как очень злые кони... — он начал смеяться. — Я знаю места, где их никогда не бывает. Но никому не скажу!

Андрей и Антон сидели у Валеры на кухне. Валера заваривал чай. На плите что-то клокотало. На протянутых под потолком веревках сушились детские колготки.

— Ну, вот, например, — Антон перебирал какие-то листочки, вынутые из потрепанной картонной папки. — То, что еще в прошлом году хотели делать. Но здесь только самое начало.

— Давай, — сказал Валера.

— А что мы тогда хотели делать? — Андрей безуспешно пытался откупорить бутылку портвейна. — Я уже и не помню ничего...

— Ну, вот это: Хотят ли жены и семья,
Чтоб в горы вечно ездил я?
И, как большие утюги,
Летят нам в спину матюги,
Но, как последняя свинья,
Дверь плотно прикрываю я,
И пусть летят они, летят...

— Ну, так отлично! — засмеялся Валера. — А дальше что?

— Дальше все.

— Пожалуй, маловато...

— За ночь мы вряд ли что-нибудь из этого сделаем, — Андрей наконец открыл бутылку и поставил ее на стол.

— Есть еще вот это: Куда, петербургские жители

Толпою веселой бежите вы?
Какое вас гонит событие
С работы на юго-восток?
Там фрукты растут обалденные,
Чайханщики — люди степенные,
Летят из Кабула военные,
И песню поет ишачок...

В кухню вошла Лена.

— Валера, ну что ты сидишь?! — нетерпеливо заговорила она. — Я же просила тебя мясо перемолоть! У меня курсовик горит, белье еще надо прополоскать, дети давно уже спать должны, а они еще не ужинали даже!

— Ты же видишь — мы тут заняты... — Валера был спокоен.

— Ну, а что мне теперь, разорваться, что ли, на части?!

В кухню вбежала девочка лет пяти, похожая на Валеру. Смущенно оглядываясь на гостей, что-то шепнула Лене на ухо.

— Ну и что! Я тоже есть хочу! — резко крикнула та.

Девочка, заплакав, убежала.

— Что ты на ребенка-то кричишь?! — возмутился Валера. — Она виновата, что ли, что у тебя курсовик горит?!

— Да потому что надоело все! — взвилась Лена. — Ты ни черта по дому не делаешь, стипендию не получаешь, сидим на шее у родителей!

Андрей под шумок разлил портвейн, и они с Антоном выпили.

— Слушай, Лена, — Валера с трудом сдерживал себя, — давай, мы потом с тобой разберемся, все-таки у нас гости...

— Когда потом?! От тебя помощи разве дождешься?! Ты все под себя гребешь! Я тоже, между прочим, хочу еще для себя пожить... И успехи у меня, кстати, получше, чем твои, были. А что получается? В Крым я уже три года не ездила, на скалах, не помню, когда в последний раз была! Вот мне Алик предлагал путевку на июль — а ты с детьми будешь нянчиться. Понял?

— Ну, мы же говорили, кажется, об этом. Твоя мать же собиралась с ними на даче...

— Собиралась! — перебила Лена. — Вот именно что — собиралась! А теперь уже не собирается! Ей в июле отпуска не дают!

— Ну, так пойди и разберись с ней — твоя же мать! — Валера тоже стал нервничать.

Лена в ярости бросила на стул ворох сухих колготок, которые снимала с веревок.

— Вот иди сам и разбирайся! Они, между прочим, уже спят давно! — хлопнув дверью, она ушла.

Валера с ненавистью посмотрел ей вслед.

Антон начал нервно смеяться.

— Давайте выпьем за любовь, — Андрей снова наполнил стаканы.

— Достала уже... — проговорил Валера негромко.

— Чего это с ней? — поинтересовался Антон.

— Да это ее лебединая песня, — Валера теребил в руках чашку. — Все не может мне простить, что я будто бы «испортил ей ее спортивную карьеру». Скалолазка хренова... Можно подумать, там что-то было. Зачем я только женился? Дурак! Сидели бы сейчас где-нибудь в чебуречной на Майорова, горя бы не знали... — он встал, порылся в шкафу, нашел мясорубку и прикрутил ее к столу. — Вся семейка — истерики. Папаша — зануда, бабка — сумасшедшая. Теща вроде еще ничего, так тесть и ее уже допек своим занудством. Нет сил никаких...

Вошла Лена, стала греметь в раковине посудой.

— Пусть возьмет дней двадцать за свой счет, — обратился к ней Валера. — Она же все равно хотела брать. Июль посидит с девчонками, а там уже и ты вернешься...

— Мама раньше хотела брать за свой счет. А теперь уже не хочет. Вот ты до середины июля будешь в городе, я приеду, а потом — катись куда хочешь...

— Но ты же прекрасно знаешь, что у меня билет на двадцатое июня!

— Ничего не знаю! Это и твои дети тоже!

Антон извлек из папки какой-то протертый на сгибах листочек:

— Ленка, хочешь послушать, что мы собирались на вашей свадьбе учинить?

Лена не отвечала, продолжая демонстративно греметь посудой.

— Я хочу послушать! — сказал Андрей. — Давай, читай.

— Так... — Антон искал нужное место. — Протокол от... так... Первое: крадем жениха. Второе: топим жениха, А — в Неве, Б — в сортире...

Андрей начал заразительно смеяться.

— Что же вы тогда его не утопили? — нервно вытерев руки о тряпку, Лена вышла из кухни.

— Обиделась... — удивился Антон. — Валера, тогда слушай ты. Третье: выслать обоих малой скоростью, А — на запад, Б — на восток. Четвертое: гоняем родственников...

— Вот и надо было тогда их всех разогнать, — мрачно произнес Валера. — Лена, что делать с мясом?!

— Ничего не надо делать! — из комнаты донеслись глухие рыдания.

— Да пошла ты... — пробормотал Валера.

— О, вот еще... — Антон весело хмыкнул, читая какой-то очередной листок. — Но тоже только начало.

— Давай! — потребовал Андрей.

— В спортзале нашем пол зеленый,

Густая пыль на поле том,

И днем и ночью люд ученый,

Все ходит по полу кругом.

Идет направо — (чего-то там) заводит,

Налево — матом говорит,

Там чудеса — Семенов бродит,

Лукьянов на руках стоит...

Андрей засмеялся.

— Вообще-то, по Пушкину у нас Вовик главный специалист.

— Так это он и писал, — сказал Антон.

— Ну вот! — огорчился Андрей. — А жаль...

— Ну, тут какой-то бред... — продолжал читать про себя Антон. — Вот еще нормальный кусок:

А в чем же там очарованье?

Ведь жизни легкой, в общем, нет!

И кратковременно свиданье,

И страсть одна на много лет.

Вершина!.. К ней, красой блистая,

Стремится двойка удалая,

Самолюбива и сильна,

В одну мечту погружена...

Вошла Лена. Андрей, подмигнув Валере и размахивая в такт стаканом, продекларировал:

— Вершина! К ней, красой блистая, стремится Ленка удалая, самолюбива и горда...

— Пиши своей матери, пусть приезжает, — сказала Лена, не обращая на Андрея внимания, может быть, даже не слыша его.

— Но ты же прекрасно знаешь, что она не может! — почти закричал Валера.

— Ну, а куда мы тогда детей денем?!

Валера открутил мясорубку, отнес ее в раковину, залил горячей водой:

— Слушай, а давай их утопим?

Антон и Андрей захохотали, пряча лица от Лены.

В этот момент раздался сигнал электронных часов. Все обернулись: циферблат показывал сплошные нули.

Одновременно зазвонил телефон. Сидевший ближе всех Андрей поднял трубку.

— Ноль часов — ровно, — сходу сказал он.

На том конце провода аккуратно положили трубку.

В районе новостроек ехал открытый грузовик, до отказа забитый мебелью и всяким домашним хламом. Внезапно он затормозил. Сидевшая в кузове на диване женщина еле успела подхватить падающий торшер. Водитель высунулся наружу и указал на парадную ближайшего дома, на двери которой болталась на ветру огромная бумажная стрелка с надписью «Здесь».

— Сюда? — спросил водитель.

— Нет-нет, нам дальше, — ответила женщина.

Человек сорок, все празднично одетые, сидели вдоль стен и полулежали прямо на полу совершенно пустой, без мебели и занавесок комнаты. В противоположном от окна углу, огороженном бельевой веревкой и табличкой «Сцена», стоял Володя в окружении четырех девушек. Заглядывая в блокнот, он читал:

— Там, иногда, не доставало
Любимых всеми сухарей,
И дева там не оживляла
Скупую прозу зимних дней.

Девушки на «сцене» запели хором, глядя в листки:

— То не женская доля —
Грызть последний сухарь,
То не женская доля —
Греть собою пухарь,
То не женская доля —
Непомерный груз несть,
То не женская доля —
По скале гладкой лезть.

Володя перевернул страницу блокнота:

— Смеркалось: на полу, чихая,
Шипел вечерний примусок,
Большую банку нагревая,
А в горле ждал сухой кусок...

Его подхватила одна из девушек:

— Разлитый грязною рукою,
По кружкам темною струею
Уже грузинский чай бежал,
Дежурный сахар подавал...

Следом за ней вступила вторая:

— Семенов то вздохнет, то охнет,
Стакан дрожит в его руке,
Кусок еды забытый сохнет
На воспаленном языке.
К плечу головушка склонилась,
Пуховка легкая спустилась
С его усталого плеча...

В этот момент раздался продолжительный звонок в дверь. Женщина в длинном декольтированном платье пошла открывать. На пороге стояли Андрей и Валера, уже сильно пьяные, но старательно пытающиеся это скрыть.

— Вы чего опаздываете? — Тамара завела их в прихожую. — Давайте скорей!

— Вас пока найдешь... — пожаловался Валера.

Из комнаты донеслись взрывы хохота.

— Ну вот! — огорчился Андрей. — Вы тут, я смотрю, уже всю веселитесь!

— Так с пяти часов уже. Как и договаривались, — Тамара повела их по коридору.

— Проходите сюда, направо.

— Мы сейчас, — сказал Валера. — А где кухня?

— Прямо по коридору и налево, — показала Тамара.

— Мы быстро, — пообещал Валера.

Они зашли в просторную кухню с большим круглым столом посредине, уставленным салатами и пирогами, и сели на свободные от сумок табуретки. Валера достал из кармана пиджака плоскую металлическую флягу и налил содержимое в пару чайных чашек.

Из комнаты донеслись дружные аплодисменты и смех. Коридор заполнился голосами. Послышались легкие приближающиеся шаги. Валера спрятал флягу под стол и с невинным видом обернулся к окну.

В кухню вошла Светлана — в короткой джинсовой юбке, белой блузке и со слегка подкрашенными глазами:

— Привет! А чего вы тут сидите?

— Валера, обрати внимание, — как бы не замечая ее, Андрей указал на видневшееся за окном недостроенное здание с торчащим посреди площадки заржавелым башенным краном, — наш препод по архитектуре называет это «застывшая музыка»...

— Привет! — смутился Валера. — Мы готовимся... мы сейчас... мы уже идем.

— Света! — обернулся Андрей. — Какая ты ослепительная сегодня!

Светлана покраснела и улыбнулась.

— Это какой год был? — поинтересовался Андрей.

— Это Вовик был, — в ее голосе чувствовался восторг, — так здорово! Жаль, что вы не успели... Теперь будет семьдесят шестой, а следующие вы. Пошли в комнату!

— Мы сейчас, — сказал Андрей, — у нас дело... Слушай, Светка, у тебя случайно ботинок нет сорок третьего размера? Мне на лето надо.

— Нет! — засмеялась Светлана.

— Жаль, — разочаровался Андрей...

Дверь на лестничную площадку была распахнута. В клубах табачного дыма стояли человек десять. Слава о чем-то рассказывал, остальные смеялись.

— Люди добрые! — обратился к ним Андрей. — Дайте закурить.

Гена протянул им по сигарете.

— Слушайте, у кого есть ботинки, сорок третий размер, на лето? Осенью отдам две пары.

— Народ! — высунулась из квартиры Наташа. — Пошли в комнату!

— Выступает семьдесят шестой год, — Ира, ведущая концерт, посмотрела в программку. — Кинематографическая зарисовка из цикла «Папа, будь осторожен, мы ждем тебя домой».

— Трезвым, — дополнил кто-то.

В комнате засмеялись.

На «сцену» вышла Татьяна:

— Сегодня вы увидите старую киноленту, случайно обнаруженную на дне сундука, принадлежащего бабушке Кости Калинина... Свет погасите, пожалуйста!

— Свет! — разом крикнули несколько человек.

— Давайте погасим свет... — раздался язвительный голос из угла комнаты.

— За дверью выключатель! — подсказала Тамара.

Наконец, кто-то нашел выключатель и погасил свет.

Татьяна включила магнитофон. Зазвучала легкая танцевальная мелодия. Юлик запустил проектор. Замерцал неравномерный свет проекционной лампы. На прикрепленной к обоям простыне возникла надпись: «Часть первая. Лирическая мелодрама».

На экране возникла Татьяна в причёске начала века. Она любовно протирала тряпкой большую фотографию Кости — в широкополой шляпе с трубкой в зубах. Титр пояснял: «Она любит его...»

В следующем кадре Костя в той же шляпе, с дымящейся трубкой во рту, бамбуковой тростью и плетеной корзиной за плечами, быстро и целеустремленно поднимался вверх по тропе. «Он любит горы...» — комментировал следующий титр.

Снова появилась Татьяна. Теперь она в бешенстве рвала фотографию Кости на кусочки, топтала обрывки ногами и, заламывая руки, рыдала огромными искусственными слезами, оставлявшими на лице следы черной туши. «Горы разлучают любящие сердца...» — подводила итог очередная надпись.

Зрители развеселились.

Легкая музыка сменилась трагичной. «Часть вторая. Бытовая драма» — гласило название.

Снова возник Костя, уходивший вверх по тропе. «Он любит горы...» — опять прокомментировал титр.

Снова появилась плачущая Татьяна, рвущая на части его фотографию. «Она не любит его зарплату...» — поясняла подпись.

В углу комнаты истерично захохотала какая-то женщина.

Неожиданно пленка застряла, и на экране стало разрастаться пятно плавящейся эмульсии. Юлик выключил проектор.

— Сапожники! — раздались крики.

Зажегся свет. Зрители поднялись с пола, разминая затекшие ноги.

— Немного терпения! — попросил Юлик.

Воспользовавшись паузой, Андрей, Володя и Валера выбрались на балкон.

Плоская равнина вокруг была застроена прямоугольными коробками домов. Валера извлек флягу, протянул Володе.

— Вы идете? — выглянула Ира. — Мы продолжаем.

— У тебя нет, случайно, ботинок сорок третьего размера? — спросил у нее Андрей.

В этот момент в комнате снова застрекотал проектор. Ира скрылась за занавеской.

— Горько!.. Горько!.. — раздались крики из дома напротив.

— Хочется большой и чистой любви... — мечтательно сказал Валера.

Финальный смех и аплодисменты в комнате, по-видимому, означали окончание киносеанса.

Светлана открыла дверь:

— Андрюша, Валера, ваш выход.

— Ну что, пошли? — Андрей хмуро посмотрел на Валеру...

— Выступает семьдесят седьмой год, — зачитала Ира очередной раздел концертной программы. — Пантомима «Застольный дуэт».

Зрители похлопали. Андрей и Валера раскланялись.

— Нам понадобится стол, три табуретки, бутылка водки и какая-нибудь закуска, — попросил Андрей.

Несколько человек притащили из соседней комнаты небольшой журнальный столик и табуретки. С кухни принесли миску салата и бутылку коньяка:

— Водки нет. Коньяк пойдет?

— Ладно, пусть будет коньяк, — вяло махнул рукой Андрей, и они уселись за стол друг напротив друга.

— Да, я хотел спросить, — повернулся Андрей к зрителям, — ботинок сорок третьего размера ни у кого нет на лето?

— У вас же пантомима, — раздался чей-то голос, — в ней не говорят!

— Это еще не выступление, — пояснил Андрей.

— А когда будет выступление? — спросил другой голос.

— Вот сейчас... — пообещал Андрей. — Вот... Все... Тишина... Начали...

В наступившей тишине стало слышно, как на свадьбе в соседнем доме горланят народные песни.

Андрей полез в карман пиджака и достал три граненых стакана.

— Да, я забыл сказать, — вдруг опять заговорил он, — нам еще нужен Антон.

— У вас же дуэт! — крикнули из угла.

Кто-то засмеялся. Антон удивленно посмотрел на Андрея и Валеру. Они жестами показали ему, чтобы шел к ним. Недоуменно пожав плечами, Антон пробрался к «сцене» и сел на свободную табуретку.

Андрей откупорил коньяк, разлил по стаканам. Чокнувшись, они с Валерой выпили и блаженно откинулись от стола. Антон потягивал свой коньяк, следя за их дальнейшими действиями.

Сделав еще пару глубоких глотков, Андрей поставил стакан на стол, чуть не выронив его по дороге и слегка залив себе брюки.

— Недержание коньяка, — раздался чей-то голос в тишине. Несколько человек начали смеяться.

— Тише, — попросил женский голос, — не мешайте!

Валера вынул заткнутые за пояс столовые ложки, и они слегка закусили салатом. Потом Валера разлил по новой. Ожидая развития действия или какого-нибудь подвоха, зрители с интересом следили за ними.

— Курить можно? — обратился Андрей к зрителям.

— Не надо, — закричала Наташа, — и так душно!

— Это что, необходимо для выступления? — спросил строгий женский голос.

— Пусть курит! — раздалось мужские голоса. — В рукав кури!

— Андрюха, а ты под себя кури, — посоветовал Сергей.

Зрители веселились.

Андрей закурил. Потом закурил Валера. Потом они снова выпили и снова закусили салатом. Когда они разлили коньяк в четвертый раз, зрители стали догадываться, что их бессовестно обманывают.

— Халтурщики! — слышались возмущенные возгласы. — Это что, все? Куликов, перестань пить наш коньяк!

— Тихо! — Андрей поднял руку, прося тишины. — Мне есть, что сказать людям...

Он полез во внутренний карман пиджака, вытащил оттуда ворох бумаг и начал что-то в них искать. Посыпались на пол просроченные лотерейные билеты, использованные проездные талоны. Валера и Антон, уже вдвоем, с удивлением наблюдали за ним.

— Хватит! — требовали вокруг. — Мы вам уже не верим!

Наконец Андрей выудил из пачки нужный ему клочок бумаги:

— Тихо!.. Экспромт!.. Написано за пятнадцать минут до начала выступления!.. Вариация на тему «Маленький мальчик зацепку искал»!

Вокруг засмеялись.

Андрей трагично простер руку вдаль:

— Маленький мальчик зацепку искал, в трещинке ручку заклинивать стал... — во время недолгой паузы он залпом осушил содержимое своего стакана. — Хлопнули мощно стальные капканы — долго смеялся директор «Светланы»...

Стараясь не шуметь, Андрей на цыпочках прошел в кухню, снял мятый пиджак, пошарил по кастрюлям, зажег газ и поставил на плиту чайник.

Кутаясь в халат, на кухню вышла мать Андрея, остановилась в дверях.

— Привет, — поздоровался Андрей, — чего не спишь?

— Да так что-то... — ответила она.

— Нина не звонила вчера? — спросил Андрей.

— Нет, не звонила. Она когда вернется?

— К первому экзамену, скорей всего, — Андрей залез в холодильник, достал масло и сыр, отрезал кусок хлеба.

— А у тебя какие планы?

— Ну, какие планы... Обычные планы — зачеты всякие, сессия, экзамены надо сдавать...

— Я имею в виду на лето планы, — пояснила мать.

— А что на лето? Летом — как обычно. Не знаю пока. До лета еще дожить надо.

— Ты что, боишься не дожить до лета?

— Нет, почему, — засмеялся Андрей, — я в смысле всяких там экзаменов. Еще двести раз все может перемениться.

— Нина говорила, ты собираешься уехать на три месяца?

— Ну, во-первых, не на три, а, скорей всего, на два... — уточнил Андрей. — Ну да, в общем, собираюсь уехать, а что, собственно?

— Я думаю, ты и сам прекрасно понимаешь, что... Может быть, ты это лето пропустишь? Один раз, мне кажется, можно... Все-таки такое событие предстоит...

— Оно же не летом предстоит, а осенью, даже почти зимой! — Андрей, начиная раздражаться, сел за стол. — Потом, в конце концов, это что, какое-то небывалое событие? В истории человечества такого еще не происходило?!

— Тише, тише, — понизив голос, попросила мать, — папа спит, разбудишь... Вчера работал много, поздно пришел...

Андрей перешел на громкий шепот.

— Зачем мне-то здесь все лето торчать? — он яростно откусил кусок бутерброда.

— Неужели ты не понимаешь таких элементарных вещей? — возмутилась мать. — Нине нужен покой, за ней нужно поухаживать, последить, в чем-то помочь... Ей же нельзя носить тяжести, не все можно есть, нельзя, между прочим, нервничать, а твой отъезд — это как раз повод для волнений, для неприятных мыслей, для бессонных ночей...

— Да почему это повод для бессонных ночей?! — повысил голос Андрей и, осекшись, опять перешел на шепот. — Потом, почему ты все время говоришь за Нину, будто ее самой как бы и не существует?! Можно подумать, что мы с ней ни разу это не обсуждали!.. Зачем делать из меня какого-то монстра, синюю бороду?.. Нина, между прочим, меня отпускает, она даже считает, что ей так будет проще!

— Она так говорит потому, что не хочет тебе мешать. Но я уверена, что в глубине души ей наоборот хочется, чтобы ты остался здесь и был сейчас рядом.

— А почему бы ей тогда не сказать этого прямо? Зачем это скрывать? Если ей действительно этого хочется?.. Ты говоришь то, что считаешь нужным делать сама, но это еще не значит, что все кругом думают точно также. Она что, говорила, что хочет, чтоб я остался?

— Впрямую не говорила...

— Ну, а чего тогда выдумывать? — закипел чайник, Андрей резко поднялся, достал заварку.

— С тобой стало совершенно невозможно разговаривать... — сказала мать.

— Почему это невозможно? — Андрей снова опустил на стул. — Все вокруг говорят, а дома вдруг невозможно!

— Ну, во-первых, не вдруг, а уже давно...

— Не знаю! Ни у кого, кроме тебя, таких проблем почему-то не возникает!

— Ну ладно, — сказала мать устало, — давай сейчас обо мне говорить не будем... Но вот о Нине я тебе советую хорошенько подумать. Для женщины это всегда тяжелое ис-

пытание, а первый раз — особенно... И всегда лучше, когда кто-то близкий есть рядом. Мы с папой, конечно, тоже не чужие люди, но мы — другое дело.

— Хорошо! — отрезал Андрей. — Я подумаю.

Мать хотела еще что-то добавить, но только безнадежно махнула рукой.

— Ну ладно, я пойду, попробую еще немного поспать, может быть удастся... — плотно притворив дверь, она ушла в комнату.

Андрей, не двигаясь, равнодушно смотрел на мощную струю пара, вырывающуюся из чайника.

купить полную электронную версию текста

<http://grigorysidko.ru/el.html>

купить книгу

http://grigorysidko.ru/lubov_i_krov.html